

CILVĒKI RADA SEV DIEVU, UN TAS RADA VIŅIEM RAKSTURU. VIŅU ATKLĀJUMI NEREDZAMĀ PASAULĒ NOTEIC, KAS VIŅI IR REDZAMĀ PASAULĒ. KURAM PIRMĀM IR DOMAS PAR DIEVĪBU UN KURŠ NONĀK PIE TĀ, LAI TAUTĀ IEVIESTOS TAS, KO SEVĪ IEDOMĀJIES, UZSPIEŽ VIŅAI ZĪMI, KO DAUDZREIZ GADU TŪKSTOŠI NENODZĒŠ. IR TIESA, KA I ZDOMĀTAIS PASAULES GARS IR VISĀS ĪPAŠĪBĀS TIKAI TĀ ATSPĪDUMS, KAS VIŅU IZDOMĀJIS, BET VIŅŠ STARO ATPAKAĻ NO VISĀM VJŅA GODĀTĀJU SIRDĪM. TĀPAT KĀ SLUDINĀTĀJIEM ARĀBIJAS TUKSNEŠOS BRAMA DIEVS IEGUVA CIETU, ATRIEBĪGU, LEPNU KARAKUNGA RAKSTURU, TĀ ARĪ PAŠI IZRAĒLIEŠI, LAI LĪDZINĀTOS SAVAM UZSPIESTAJAM IDEĀLAM, KĻUVA ASINSKĀRĪGI, NESAMIERINĀMI, AUGSTPRĀTĪGI, VISAS CILVĒCES IENAIDNIEKI. CILVĒKA DĒLS TĒLOJA SAVU DEBEŠĶĪGO TĒVU PAR TĀDU CILVĒKU MĪLĒTĀJU, PAR TIK MĪLESTĪBAS PILNU, PAR TIK LABDARĪGU UN PACIETĪGU, KĀDS BIJA VIŅŠ PATS. TĀDI BIJA ARĪ VIŅA PIEKRITEJI PIRMOS GADOS PĒC VIŅA NĀVES. JA DIEVĪBAS IDEJAI IR TIK LIELA IETEKME UZ VIENDIEVNIEKIEM, KĀ GAN LAI TĀ NEBŪTU PIE DAUDZDIEVNIEKIEM, KURIEM VIŅU DIEVI IR VIENMĒR TIK TUVU! VELTĪGI TIEK SACĪTS PIRMAJAM: «DIEVS IR VISUR KLĀTBŪDAMS GARS!» VAI NU VIŅŠ AR TO NEKĀ NEDOMĀ, VAI UZLŪKO ŠO LIELO JĒDZIENU AR AUKSTU IZBRĪNU. DIEVA VISPĀRĪGĀ KLĀTBŪTNE KAVĒ TO, KA VIŅŠ BŪTU KLĀT IKKATRAM ATSEVIŠĶI. «ES ESMU PĀRĀK NENOZĪMĪGS, LAI AR MANI ĪPAŠI NODARBOTOS BŪTNE, KAS MĪT UN VALDA TIKLAB ĶĪNĀ, PAŠĀ TĀLĀKAJĀ ZVAIGZNĒ, KĀ ARĪ PIE MUMS.»

TĀ SAVĀ SIRDĪ, VARBŪT PATS TO NEAPZINĀDAMIES, PRETOJAS VIENA DIEVA ATZINĒJS. ŠĪ DIEVĪBA PAMET VIŅU TIK VĒSU, TIK VIENALDZĪGU, KA VIŅŠ BEIDZOT IZMEKLĒ – VAI TAD ARĪ PATIESI IR TĀDA BŪTNE? VIŅŠ PABEIDZ VAI NU AR TO, KA SEVI PANIEVĀ, KA VISPĀR VAREJIS TICĒT, VAI ARĪ VIŅŠ PĒC ILGAS GUDROŠANAS UN TAUSTĪŠANĀS IEMANTO TIKAI VIENALDZĪGU VARBŪTĪBU, KAS VIŅA SIRDĪ NEKAD, PAT ARĪ UZ VIENU BRĪDI NEVAR IESILDĪT. PAVISAM CITĀDI TAS IR AR DAUDZDIEVNIEKIEM. RAUGAT VIŅU NĀKAM NO SAVAS BŪDAS – TAS KOKS, KAS TO APĒNO UN VIŅAM VĒDINA DZESTRUMU, IR KĀDAS LABVĒLĪGAS DIEVĪBAS MĀJOKLIS VAI ARĪ VIŅAI SVĒTĪTS. VIŅŠ SKATĀS AUGŠUP CAUR LAPU JUMTU – SAULE VIŅAM SPĪD TĀPĒC, KA TAI PATĪK VIŅA CEĻI, VAI ARĪ LIETUS DZIRDINA VIŅA SĒJUMUS TĀPĒC, KA VIŅŠ IEMANTOJIS AR UPURIEM VAI LABIEM DARBIEM GAISA VALDNIĒKA LABPRĀTĪBU. JA VIŅAM IR VIENS NO ABIEM PAR ĻAUNU, TAD TAS NAV GADĪJUMS, BET SODS PAR VIŅA PĀRKĀPUMIEM, KAS VIŅAM JĀIZLĪDZINA. VIŅA GANĀMPULKS PIEAUG TĀPĒC, KA VIŅA APSARGĀTĀJS TAM IR LABVĒLĪGS, JA CIEŠ, TAD CIEŠ TĀPĒC, KA VIŅŠ TO APKAITINĀJIS. VIŅŠ TVER SAVU ŠĶĒPU, LAI IETU UZ MEŽU MEDĪT, JO VIŅU UZ GODBIJĪBAS PILNU PATEICĪBU IR AICINĀJIS MĀJAS DIEVS, KAS NAKTI SARGĀJIS VIŅU UN VIŅA SAIMNIECĪBU VIŅŠ IEIET BIRZĪ: DIEVĪBAS DVESMA ŠALC CAUR KOKU GALOTNĒM. JA MEDĪBAS IR VEIKSMĪGAS, VIŅAM NO JAUNA JĀPATEICAS, UN KĀ GAN VIŅŠ VAR TO DARBĪGĀK PARĀDĪT, JA NE AR VIESMĪLĪBU PRET SVEŠNIEKU, KURU PA TO STARPU SARGA DIEVS IR VA-

DĪJIS VIŅA BŪDĀ? ŠIM SARGA DIEVAM VIŅŠ IEDEDZINA PAR GODU UGUNI MĀJAS UGUNSKURĀ, PIE KĀ VIESIS SASILDĀS; TAM VIŅŠ KLĀJ GALDU, PIE KĀ ŠIS PAĒDAS. VIŅA TIESĪBAS TAS GODĀ AR CIENĪŠANU UN AIZSARGĀŠANU, KO TAS ŠIM DOD. VIŅŠ BRAUC PA JŪRU ŠŪPOTAJĀ LAIVIŅĀ – KĀDS DIEVS LĪDZINA VIŅA PRIEKŠĀ ŪDEŅUS, KĀDS CITS DIEVS ATKAL SACEĻ TOS AUGSTU UN VEĻ VĒTRĀ VIĻŅUS, UN DRAUD LAIVIŅAI BOJĀ IET. BRIESMĀS RODAS DROSME: KUĢOTĀJS SPĒKOJAS UN CĪNĀS, VIŅŠ SASNIEDZ KRASTU, VIŅŠ IZLEC MALĀ – IR KĀDS DIEVS, NO KURA VIŅŠ ATGUVIS SAVU DZĪVĪBU! KĀDU PAŠUZTICĒŠANOS, KĀDU SPĒKU BŪS VIŅAM SMELTIES NO ŠĪM DOMĀM! JĀ, DAUDZDIEVNIEKS VAR BŪT NEIZKOPTĀKS, NEŽĒLĪGĀKS, NEJŪTĪGĀKS NEKĀ VIENDIEVNIEKS, BET VIŅŠ BŪS ARĪ UZTICĪGĀKS, GODSIRDĪGĀKS, STIPRĀKS, DŪŠĪGĀKS, TIKUMĪGĀKS NEKĀ TAS. VIŅA DIEVU TUVUMS, APAKŠ KURU ACĪM TAS STAIGĀ, NEMĪTĪGA VIENOTĪBA, KĀDĀ VIŅĀ STĀV AR TIEM, UN TAS, KA VIŅI IR AIZSNIEDZAMI, VAR BŪT PAR CĒLOŅIEM, KA MĀŅTICĪBA KAVĒ SEKMĒTIES VIŅA ZINĀŠANĀM; BET CENSĪBU UN STIPRUMU TAS MANTO DIVKĀRT VAIRĀK, NEKĀ NO OTRAS PUSES PAZAUDĒJIS. UN ŠAJĀ SAKARĀ IR JĀATCERAS ŠILLERA IZTEIKUMS: «KAD CILVĒCĪGĀKI BIJ DIEVI, BIJ DIEVĪGĀKI CILVĒKI.» LATVIEŠU TICĪBAS JĒDZIENI NEBIJA NEDZ DAUDZI SKAITĀ, NEDZ IZDOMĀTI AR SMALKU GUDRĪBU. VIŅI TICĒJA, KA VISAM – SĀKOTIES NO PĒRKONA, TAD LEJUP LĪDZ MĒSLU ČUPAI – ESOT SAVA ĪPAŠA DIEVĪBA, KURU VAJAGOT GODĀT. VIŅI TICĒJA DVĒSELES NEMIRSTĪBAI, NEGRIBĒDAMI

NEKĀ NOSACĪT PAR TĀS TURPMĀKO ESAMĪBU. VIŅI DOMĀJA – LAI VARĒTU PATIKT DIEVIEM, VAJAGOT DARĪT, KAS TIESA ESOT, UN PIE TIESĪBAS ATRAŠANAS PAĻĀVĀS JŪTĀM, KAS IR DROŠĀKS VADONIS NEKĀ MORĀLISTU LIELĀKĀ GUDROŠANA. TAS BIJA VISS VIŅU TEOLOĢIJAS SATURS, PIETIEKAMS TĀDAI TAUTAI, KAS PAZINA VIE-NĪGI SATICĪGAS ATTIE CĪBAS UN VAJADZĪBAS. PĒC LAT-VIEŠU DOMĀM, DIEVĪBA BIJA PAR AUGSTU, LAI TO VA-RĒTU IESLĒGT ČETRĀS SIENĀS. VIŅI GODĀJA TO, KUR ATRADA LIECĪBU TĀS ESAMĪBAI UN VARAI: PĒRKONA DIEVU APAKŠ OZOLIEM, KAS BIEŽI BIJA ZIBENS SVILI-NĀTI, MEŽA DIEVU BIRZĪS, JŪRAS DIEVU JŪRMALĀ, DRU-VU APSARGĀTĀJU TĪRUMĀ, NO KĀ NUPAT BIJA IEVĀKU-ŠI VIŅA SVĒTĪBU. IKKURŠ MĀJASTĒVS BIJA TURKLĀT PRIESTERIS. VIŅU AUGSTĀKĀM DIEVĪBĀM BIJA BEZ TAM ZINĀMAS VIETAS, KUR VIŅIEM VISAS TAUTAS VĀRDĀ KALPOJA SEVIŠĶI KALPOTĀJI. TĀDAS VIETAS BIJA NADRAUENAS¹²⁵, ROMNOVĒ¹²⁶, MARIENBURGĀ, HEI-LIENBEILĀ UN PIE VELAUAS. PIRMAJĀ VIETĀ STĀVĒJA OZOLS, KURA CAURMĒRS BIJIS DIVPADSMIT PĒDU, UN LAIKAM SŪNAS UN ZAĻIE STAIPEKŅI, VARBŪT ARĪ PRIES-TERU MĀKSLA, SAGLABĀJA TĀ ZAĻUMU ARĪ ZIEMĀ. AP TO BIJA NOKLĀTAS ASTONĶĀRTĪGAS SEGAS: TĀ IZCĒLĀS SVĒTAIS LAUKUMS, KURU VISVAIRĀK SLAPINĀJA UPURU ASINIS, KURŠ NEIESVĒTĪTĀS DRŪZMAS ACĪM NEBIJA AIZSNIEDZAMS UN KURĀ PAT KRĪVS UN CIENĪGĀKIE VAI-DELOŠI NEDRĪKSTĒJA CITĀDI IET, KĀ VIEN KAD BIJA JĀPILDA SVĒTIE PIENĀKUMI. TIKAI ĻOTI SVINĪGĀS MĒ-NESNĪCAS NAKTĪS NOLAIDĀS ZEMĒ BRIESMĪGĀ SIENA

STARP TAUTU UN VIŅAS DIEVIEM. SEGAS VĒLĀS NOST, UN LAUŽU PULKS NO GODBIJĪGA ATTĀLUMA AR ŠAUSMĀM LŪKOJĀS AUGŠUP SAVA LIKTEŅA VADĪTĀJOS KĀ KĀDĀ CITĀ PASAULĒ. AUGSTU STARP TRIM LIELIEM OZOLA ŽUBURIEM, KAS NO STUMBRA CITS NO CITA ATTĀLINĀJĀS LIELIEM LĪKUMIEM UN UZ GALOTNI ATKAL CITS CITAM TUVOJĀS, SPĪDĒJA PRETĪ PĒRKUNA, POTRIMPA UN PĪKOLA KRŪŠUTĒLI. PIE TO KĀJĀM STĀVĒJA VIŅU SVĒTIE APZĪMĒJUMI, UN STARP TIEM GULĒJA KRĪVS UZ VAIGA LŪGDAMS. VAIDĒLOŠI, GARĀS RINDĀS STĀVĒDAMI, DZIEDĀJA LĒNAS, SVINĪGAS SLAVAS DZIESMAS, UN AUGŠUP VELDAMĀS LIESMAS AR DŪMU PADEBEŠIEM NO AIZDEDZINĀTIEM UPURIEM IZPLATĪJA PĀR CIENĪGO PULKU BURVĪGU, MAINĪGU GAISMU, KAS BRĪŽAM MIJĀS AR TUMSU. PĒRKUNS, PĒRKONA DIEVS, KURA VĀRDU TAS IR PATURĒJIS PIE LATVIEŠIEM VĒL LĪDZ ŠIM, BIJA NOTĒLOTS KĀ PUSMŪŽA VĪRS AR DUSMĪGU, DRAUDĪGU SEJU. AP GALVU TAM VIJĀS LIESMU VAINAGS UN MELNA PINKAINA BĀRDA KARĀJĀS PĀR KRŪTĪM. VIŅA VARĀ STĀVĒJA LAIKS, UN VIŅŠ BIJA ARĪ VALDĪTĀJS PĀR CIETIEM DIEVIEM. VIŅAM BIJA ĪPAŠI SVĒTĪTI OZOLI, UN MŪŽĪGĀ UGUNIS NO ŠO KOKU MALKAS VIŅAM PAR GODU TIKA KURINĀTA SVĒTĀ APLĪ. PĒRKONA RŪKŠANA BIJA ŠĪ DIEVA VALODA. «VECAIS TĒVS BARAS,» – TĀ SAKA LATVIEŠI VĒL TAGAD, PĒRKONAM RŪCOT. TĀ KĀ VIŅU DOMU GAITA NEBIJA TIK NEATTĪSTĪTA, MĒDZA TEIKT: «VIŅŠ RUNĀ UZ KRĪVU.» TAD MĀJASTĒVI GĀJA LAUKĀ NO SAVĀM BŪDĀM, NESA UZ PLECIEM TRAUKUS AR SVAIGU GAŽU, KLUSĀM LŪGDAMI SAUDZĪBAS, UN TĀ APSTAI-

GĀJA SAVU TĪRUMU ROBEŽAS. UN, KAD NEGAISS BIJA PAGĀJIS, NENODARĪDAMS ĻAUNA, VIŅI AR SAVĀM ĢIMENĒM PRIE CĪGI BAUDĪJA SVĒTĪTO DĀVANU. PĒRKUNA LABAJĀ PUSĒ STĀVĒJA POTRIMPS, PRIECĪGS, SMAIDOŠS JAUNEKLIS, KURA GALVU IETĒRPA VĀRPU VAINAGS. VARBŪT VIŅŠ BIJA SAULES DIEVS, KAS DRUVĀM DEVA AUGLĪBU. VIŅA SVĒTUMS BIJA KOPIŅAS, ZEM KURĀM KĀDĀ PODĀ AR PIENU TIKA BAROTAS LĒNAS ČŪSKAS KĀ MĀJAS PILNĪBAS ĶĪLA. KRISTĪGIE MŪKI APVAINOJA ŠO LAIPNĪGO DIEVU, KA VIŅŠ PRASOT BĒRNUS UPURAM. PARASTĀS DĀVANAS, KO VIŅAM NESA, BIJA VĪRAKS UN VASKI. UZ VIŅA SVĒTKIEM PRIESTERI SAGATAVOJĀS AR TRIJU DIENU GAVĒNI, PA KURA LAIKU VIŅI GULĒJA UZ KAILAS ZEMES. VARBŪT VIŅI GRIBĒJA AR TRŪKUMA IZJŪTU IEDEGTIES AUGSTĀKĀ PATEICĪBĀ PRET PĀRPILNĪBAS DEVĒJU, VARBŪT VIŅU STĀVOK LIM BIJA JĀIZTĒLO POSTS, KĀDĀ CILVĒKIEM BŪTU JĀSMOK BEZ VIŅA LABDARĪBAS. KREISAJĀ PUSĒ «RŪCĒJAM UN SPĒRĒJAM» SAVĀ TRONĪ SĒDĒJA PĪKOLS, UN AUGSTĀKĀ DIEVA DUSMĪGAIS SKATIENS BIJA VĒRSTS UZ VIŅU, KAS BIJA BĀLA SIRMGALVJA IZSKATĀ, AR ASINĪM NOTRAIPĪTU SEJU UN GARU, SIRMU BĀRDU, BALTU MIROŅA AUTU AP GALVU – UZ VIŅU, APAKŠZEMES DIEVU, KURŠ NEVIS MĪLESTĪBU, BET TIKAI DREBĒŠANU PRASĪJA NO VISIEM DZĪVIEM. VIŅA ZĪMES BIJA MIROŅU GALVAS, KAS STĀVĒJA VIŅA PRIEKŠĀ SASPRAUSTAS UZ KĀRTĪM, UN VIŅA PARASTAIS UPURIS – TAUKI, KO DEDZINĀJA KĀDĀ KATLĀ. PIRMS KARA SĀKŠANAS TAM UPURĒJA CILVĒKU NO IENAIDNIEKU TAUTAS, UN ASIŅU PILĒŠANA VAI TECĒŠANA NO CAUR-

DURTĀM UPURĒJAMĀ KRŪTĪM NOZĪMĒJA VAI NU TO, KA
TIKS SAKAUTI, VAI KA UZVARĒS. PĒC KAUJAS VIŅAM
TIKA ATKAL NOŽŅAUGTI CIENĪGĀKIE GŪSTEKŅI. KĀDAM
KRUSTA BRUŅINIEKAM GERHARDAM BIJA PRŪSIJĀ KĀD-
REIZ ŠĀDS LIKTENIS. VIŅU PIESĒJA PILNĀ KARA AP-
BRUŅOJUMĀ PIE ZIRGA, TĀ KĀJAS PIESĒJA PIE ČETRIEM
ZEMĒ IEDZĪTIEM MIETIEM, SAKRĀVA AP VIŅU LIELU
SĀRTU UN TO AIZDEDZINĀJA. TĀ UPURĒJA VĒLĀK ARĪ
HIRCHALZU, KĀDU MAGDEBURGAS PILSONI. DAŽREIZ
BIJA MIERĀ AR TO, KA ŠIM DIEVAM UPURĒJA BALTUS
ZIRGUS, KAS TAD IEPRIEKŠ TIKMĒR TIKA APKĀRT TREN-
KĀTI, KAMĒR BEZSPĒCĪBĀ NOKRITA PIE ZEMES PA PU-
SEI BEIGTI. PĪKOLAM BIJA PAREDZĒTI TIE UPURI, KURI
TIKA NOLIKTI SAKARĀ AR KĀDA MIROŅA PAGLABĀŠANU.
VIŅŠ RŪPĒJĀS ARĪ PAR TO, LAI PRIESTERI PIENĀCĪGI
SAŅEMTU SAVU TIESU. JA, MANTOJUMU DALOT, VIŅI
BIJA AIZMIRSTI VAI SKOPI APDĀVINĀTI, TAD VIŅŠ NAK-
TI DAUZĪJĀS PA MĀJU UN PA KLĒTĪM UN TĀ PIESPIEDA
MANTINIEKUS IZLABOT SAVU KĻŪDU UN KĀDU VAIDE-
LOTI AR DĀVANĀM DABŪT SAVĀ PUSĒ. TIKAI ASINIS VA-
RĒJA TAD APMIERINĀT DRŪMO ELLES VALDINIEKU, TĀ-
PĒC MŪKS NEMITĪGĀ LŪGŠANĀ PLOSĪJA SEV ROKAS,
LĪDZ TROKSNIS MĀJAS DIEVU SVĒTNĪCĀ SLUDINĀJA, KA
DIEVS NU IR APMIERINĀTS. VĒL TAGAD DAŽOS VIDZE-
MES APGABALOS IR PAZĪSTAMS VĀRDS PEKLE, KAS NO-
ZĪMĒ ELLI. ARĪ RAUDOŠUS BĒRNUS VĒL VIENUMĒR PĪ-
KOLS VED UZ MIEGA MUIŽU, JA VIŅAM NAV IELIKTS
KĀDS VĀCU KĀRTAS VIETNIEKS. DIEVU OTRĀ ŠĶIRA,
KURAI NEBIJA NEKĀDU NOTEIKTU ALTĀRU, BIJA LIELĀ-

KA. PIE TĀS PIEDERĒJA OKOPIRUNS, KURŠ PĀRZINĀJA SPĪDEKĻU CEĻUS UN GADALAIKU MAINĀS, BET NETIKA NEKUR ĪPAŠI GODĀTS, KURHO, KURŠ VĒL ĪPAŠI PĻAUJAI BIJA LIKTS PAR GĀDĀTĀJU. IK GADUS VIŅI TAM UPURĒJA PIRMOS LAUKA AUGĻUS, TAD SALAUZA TĀ TĒLU UN UZCĒLA JAUNU KĀDĀ UZKALNĀ. VIŅA CIENĪGĀKAIS ATTĒLS ATRADĀS KĀDĀ OZOLĀ HEILIGENBEILĀ. PIE ŠĀ DIEVA VIŅI GRIEZĀS AR LŪGŠANĀM PĒC PALĪDZĪBAS PRET VĀCU LAUPĪTĀJIEM, KAS NODEDZINĀJA VIŅU LAUKUS. LŪGŠANAS BIJA UZRAKSTĪTAS UZ KAROGA, PAR KO ES PIEMINĒJU JAU AGRĀK. ARĪ POMERĀNIJĀ VIŅU PIELŪDZA TĀPAT KĀ MEKLENBURGAS RĒTRĀ SVAIKSTIKSU JEB SVANTEVITU, AUSEKLI, VĪRA IZSKATĀ AR LAUVAS GALVU. PERDOITIS BIJA VĒJA DIEVS. VIŅŠ GĀJA PA JŪRU UN ZEMI, KUR TAD VIŅA MATU SPROGAS – PADEBEŠI – PLIVINĀJĀS AP MATU ŠĶIRTNI. UZ KURIENI VIŅŠ PAGRIEZĀS, UZ TURIENI PLŪDA VIŅA DVAŠA – VĒTRA. VIŅAM UN GĀRDIETIM (GARDĒDIM), ZVEJAS DIEVAM, VIŅI NESA PIE JŪRAS UZ PLAKANIEM AKMEŅIEM MIELASTU NO SAVA ZVEJAS GUVUMA. PERGRŪBS, PUMPURU DIEDZĒTĀJS, BIJA PAVASARA DIEVS. VIŅŠ IZVILINĀJA NO DĪGĻIEM LAPAS, ZIEDUS UN SĒJUMUS UN NOPELNĪJA AR TOIK PAVASARI VIENUS VISPĀRĪGUS SVĒTKUS. PUŠKAITIS, ZEMES DIEVS, MĀJOJA VISMĪĻĀK ZEM BIEZIEM CERIŅU KRŪMIEM, TURP VIŅAM NESA ALU UN ĒDIENUS UN LŪDZA VIŅU, LAI SŪTOT AR BAGĀTĀM DĀVANĀM MĀJĀS UN ŠĶŪŅOS BARSTUKUS, MARKOPETUS UN PILVAITUS, KAS BIJA TRĪS MĀJAS GARU JEB RŪĶĪŠU SUGAS. LĪGO BIJA MĪLESTĪBAS UN DRAUDZĪBAS DIEVS, UN

VIŅAM PAR GODU TAUTA SARĪKOJA IK GADUS VASARAS VIDŪ NAKTĀ SVĒTKUS, AUSKUTS JEB AVSKUTIS, AVJU CIRPĒJS, BIJA NAIDĪGS, ĻAUNS GARS, KAS STARP CILVĒKIEM UN LOPIEM IZPLATĪJA SĒRGAS UN MOCĪBAS. AR VIŅA ZIŅU AITĀM VILNA NOGĀJUSI NO MUGURAS KĀ ZĪME, KA MĒRIS TUVUMĀ. IJĀITNĀSMĀMIŅA PALĪDZĒJA DZEMDĒTĀJĀM. UZIŅŠ, BIŠU DIEVS, JAU AGRĀK IR PASKAIDROTS. ŠĀS ŠĶIRAS DIEVU IR PĀRĀK DAUDZ, LAI VARĒTU TOS VISUS ŠE PIEMINĒT. TĀPĒC ES EJU PIE TREŠĀS ŠĶIRAS, KURAS PRIEKŠGALĀ STĀVĒJA PATS VIDEVUTS AR NOSAUKUMU IŠVAMBROTAS JEB CIEMNIEKS, MĀJAS SAIMNIEKS. VIŅŠ BIJA VIENĪGAIS NO ŠIEM, KAM VĒL TIKA SVINĪGI UPURĒTS. ŠIM LATVIEŠU ZEMKOPIBAS DIBINĀTĀJĀM VISPĀRI VĒL PIECI SIMTI GADUS PĒC TAM UZTICĒJA VISAS SAIMNIECĪBAS SARGĀŠANU. DAŽĀS MĀJĀS VIŅAM BIJA IERĪKOTA SAVA ĪPAŠA SVĒTNĪCA, KUR TAM NOLIKA MEDU UN PIENU. BET VISUR VIŅŠ TIKA IEDOMĀTS SVĒTKU MIELASTOS. VIŅAM TIKA NESTI VĒL ĪPAŠI ĒDAMIE UN DZERAMIE UPURI, NO KATRA TUKŠOJAMĀ MIESTIŅA KAUSA LĒJA DRUSKU NOST VIŅAM PAR GODU UN NO IKKATRAS UZNESTĀS BĻODAS META DAŽUS KUMOSUS KAKTĀ. BET VISVAIRĀK TAM KALPOJA PAVASARA UN BLUĶA SVĒTKOS, KURUS ES APRAKSTĪŠU VĒLĀK. PIE ŠĀS PAŠAS ŠĶIRAS PIEDERĒJA ARĪ BARSTUKI, MARKOPETI UN PILVAITI – GARI, KAS AR MĒNESS STARIEM IESLĪDĒJA ISTABĀ, SEVIŠĶI PIE VĀJNIEKIEM UN BEZMIEGAINIEM, UN LAKATOS IETĪTU BĒRNU IZSKATĀ GĀJA PIE GULTAS. VIŅU APCIEMOJUMI BIJA PATĪKAMI, JO VIŅI NESA PILNĪBU KLĒTĪ UN PAGRABĀ UN BRĪNIŠĶĀ

KĀRTĀ VISU VAIROJA, ĪPAŠĀS NAKTĪS VIŅIEM LIKA ARĪ
ISTABAS AUGŠĀS UN MAIZES KAMBAROS MAZAS BĻO-
DIŅAS AR ĒDIENU UN PRIECĀJĀS, JA ATRADA, KA BIJA
ĒSTS, JO AR TO PASLUDINĀJA SVĒTĪBU. KĀDA CITA MĀ-
JAS DIEVA ŠĶIRA BIJA ČŪSKAS – DZĪVNIĒKU SUGA, KAS
STARP VISIEM RĀPUĻIEM IR CILVĒKAM PATI RIEBĪGĀKĀ,
TOMĒR GANDRĪZ VISOS SENO TICĪBU NOSTĀSTOS TĀ
IENĒMUSI IEVĒROJAMU VIETU. LATVIEŠI SAVĀS MĀJĀS
BAROJA KĀDU LĒNĪGU ČŪSKU SUGU, ĒDINĀJA TĀS AR
SVĒTU RŪPĪBU UN DZĪVOJA AR TĀM TIK TUVU, KA BĒR-
NI DAUDZREIZ AR TĀM ĒDA NO VIENA TRAUKA. VIŅI
UZSKATĪJA PAR LIELU NOZIEGUMU, KURA DĒĻ VARĒTU
PAT VISA SAIMNIECĪBA AIZIET BOJĀ, JA KĀDU NO TĀM
NOKĀVA. ARĪ MEŽA ČŪSKAS TIKA GODĀTAS, ĪPAŠI SIE-
VIE TES LIKA VIŅĀM PIENA TRAUKUS CAUROS KOKOS
UN IZLŪDZA SAVIEM VĪRIEM SPĒKU LAULĪBAS PRIEKIEM.
BEZ TĀM PAR SAVA VEIDA SVĒTUMU UZSKATĪJA MELNUS
UN BALTUS ZIRGUS, BRIEŽUS, KRUPJUS UN CITUS DZĪV-
NIEKUS. SVĒTI BIJA ARĪ MEŽI, EZERI, STRAUTI UN KAL-
NI. KUR NEIZCIRSTOS MEŽOS VARĒJA MEDĪT, ŪDEŅOS
ZVEJOT UN LAUKOS ART, TUR IK GADUS NESA UPURUS,
UN VĒL TAGAD ŠĪS VIETAS TIEK SLEPENI APMEKLĒTAS
UN GODĀTAS. IT SEVIŠĶI SVĒTI BIJA SENTĒVU KAPI, UN
VIŅU DVĒSELĒM SARĪKOJA ĪPAŠUS SVĒTKUS. KĀDĀ NO-
TEIKTĀ DIENĀ ZIEMAS LAIKĀ MĀJASTĒVS KURINĀJA
PATS SAVA MĀJOKĻA LABĀKO TELPU, KAS ALLAŽ BIJA
PIRTS, TĪRĪJA TO SAVĀM ROKĀM, KLĀJA GALDU UN AP-
KRĀVA TO AR IZLASĪTĀKĪEM ĒDIENIEM. TAD VIŅŠ AIZ-
SŪTĪJA PROM VISU SAVU ĢIMENI, PATS STĀJĀS DURVĪS

AR SKALIEM, KO VIŅI LIETOJA SVEČU VIETĀ, UN LŪDZA SVINĪGI PIE GALDA VISU SAVU NOMIRUŠO RADINIEKU DVĒSELES, KURAS VIŅŠ SAUCA PIE VĀRDIEM UN KURĀM VIŅŠ PATS DAŽAS STUNDAS AR SKALIEM RĀDĪJA UGUNI. KAD VIŅŠ DOMĀJA, KA VIŅA NEREDZAMIE VIESI NU ESOT PAĒDUŠI, TAD UZ SLIEKŠŅA PĀRCIRTA SAVUS SKALUS UN PASKUBINĀJA DVĒSELES MIERĪGI ATGRIEZTIES MĀJĀS PA LIELCEĻU, LAI NESAMĪTU LABĪBAS. STARP ĪSTAJIEM SVĒTKIEM VISIEVĒROJAMĀKIE BIJA TIE, KO VELTĪJA MĪLĪGAJAM PERGRŪBAM JEB PUMPURU DZINĒJAM. KĀPĒC ŠOS SVĒTKUS SVINĒJA PAVASARĪ, TO VAR VIEGLI UZMINĒT. LĪDZKO IESTĀJĀS LABS LAIKS UN LAZDU ZIEDI IZPLAUKA, TĀ VIRSPRIESTERIS JEB AUGSTĀKAIS LŪDZĒJS SAAICINĀJA KOPĀ TĀ APGABALA TAUTIŅU. TIKA DZIEDĀTAS SVINĪGAS SLAVAS DZIESMAS, TAD NOKAUTI DIVI JĒRI, KURUS PIEVEDA JAUNAS, SKAISTI IZROTĀTAS MEITAS, UN TOS KOPĀ SADEDZINĀJA AR TĀDU AUGĻU KOKU ŽAGARIEM, KAS AUGĻU VĒL NEBIJA NESUŠI. TAS BIJA VISU CERĪBU SIMBOLS. VIRSPRIESTERIS IZTUKŠOJA KAUSU MIESTIŅA, NOMETA TO AIZ SEVIS UN SACĪJA: «VARENAIS PERGRŪB, DZĪVO TĒVS! TU AIZBAIDI ZIEMU, SŪTI SAVU SVĒTĪBU PĀR ZEMI, KA DĪGST ZĀLE, DĪGST PUĶES! SVĒTĪ MŪSU TĪRUMUS UN IZNĪDĒ NEZĀLES! SVĒTĪ MEŽU UN DĀRZU! KATRS ZARIŅŠ LAI TOP PAR ZARU, LAI CILVĒKI UN GANĀMPULKI ATROD ĒNU, KATRS PUMPURS LAI TOP PAR ZIEDU, KATRS ZIEDS PAR AUGLI, KA CILVĒKIEM, BITĒM UN PUTNIEM TIEK BARĪBA UN TEVI SLAVĒ BAUDĪ ŠANĀ.» PŪLIS GĀJA DZIĻĀK MEŽĀ. JAUNS VĒRSIS TAPA PIEVESTS KĀDAM ALTĀRIM, UN

PRIESTERIS AR PACELTĀM ROKĀM LŪDZA: «TĒV PĒRKUN,
TAVI BĒRNI VADA ŠO UPURI PIE ALTĀRA BEZ VAINAS!
SVĒTĪ, TĒV, ARKLU UN SĒJUMUS! LAI GREZNOJAS SAL-
MI VARA SĀRTUMĀ KĀ MELDRI AR LIELĀM VĀRPĀM, AUGS-
TIEM KROŅIEM, AR ĪSTIEM GRAUDIEM PILDĪTAS.»

L'HOMME A CRÉÉ POUR LUI UN DIEU QUI MODÈLE SON CARACTÈRE. LES DÉCOUVERTES DE L'HOMME DANS LE MONDE INVISIBLE DÉTERMINENT SON EXISTENCE DANS LE MONDE VISIBLE. CELUI QUI FUT LE PREMIER À PENSER À UN DIEU ET QUI A TOUT FAIT POUR TRANSMETTRE AUX GENS CE QU'IL A IMAGINÉ DE LUI, A LAISSÉ SUR L'HOMME DES TRACES QUI NE SE SONT JAMAIS EFFACÉES AU COURS DES SIÈCLES. IL EST VRAI QUE LE SAINT-ESPRIT IMAGINÉ, AVEC TOUTES SES CARACTÉRISTIQUES, N'EST QUE LE REFLET DE CELUI QUI L'A INVENTÉ, MAIS RAYONNE POURTANT DANS LES CŒURS DE TOUS CEUX QUI LE RESPECTENT. C'EST LE CAS DES PRÉDICATEURS DES DÉSERTS D'ARABIE DONT LE DIEU BRAHMA AVAIT PRIS L'ASPECT D'UN GUERRIER RUDE, VINDICATIF ET INDÉPENDANT. LES ISRAÉLIENS AUSSI, POUR RESSEMBLER À LEUR IDÉAL IMPOSÉ ÉTAIENT DEVENUS SANGLANTS, ARROGANTS ET ENNEMIS DE TOUTE L'HUMANITÉ. L'ENFANT IMAGINAIT SON PÈRE DIVIN COMME QUELQU'UN QUI AIMAIT LES GENS, QUI ÉTAIT AUSSI GENTIL ET PATIENT QU'IL ÉTAIT LUI-MÊME. TELS ÉTAIENT LES SUCCESSEURS DE JÉSUS LES PREMIÈRES ANNÉES APRÈS SA MORT. SI L'IDÉE DE LA DIVINITÉ A UNE TELLE INFLUENCE SUR CEUX QUI CROIENT EN UN DIEU UNIQUE, POURQUOI NE SERAIT-CE PAS LA MÊME CHOSE POUR CEUX QUI CROIENT EN PLUSIEURS DIEUX? POUR CES DERNIERS LES DIEUX SONT TOUJOURS SI PRÉSENTS! PAR CONTRE, CELA NE SERT À RIEN DE DIRE AUX PREMIERS QUE DIEU EST PARTOUT. CAR CELUI QUI LE FERAIT NE POURRAIT PAS EN APPORTER LA PREUVE,

OU BIEN ENCORE IL NE SAURAIT ÊTRE CONVAINCANT. LA PRÉSENCE SPIRITUELLE, QUASI-PHYSIQUE DE DIEU, L'EMPÊCHE D'ÊTRE AUX CÔTÉS DE TOUS CEUX QUI CROIENT EN LUI. L'ÊTRE HUMAIN N'EST PAS ASSEZ IMPORTANT POUR QUE DIEU PUISSE ÊTRE EN MÊME TEMPS ICI ET LÀ-BAS. « DIEU NE PEUT PAS RÉGNER EN CHINE, LE PAYS LE PLUS ÉLOIGNÉ DU MIEN, TOUT EN S'OCCUPANT DE MOI ». TELLES SONT LES CONSIDÉRATIONS SINCÈRES, PEUT-ÊTRE INCONSCIENTES, D'UNE PERSONNE QUI CROIT EN UN DIEU SUPRÊME. CETTE DIVINITÉ EST SI FROIDE ET SI INDIFFÉRENTE AVEC ELLE QUE LA PERSONNE ESSAIE DE COMPRENDRE SI ELLE EXISTE RÉELLEMENT OU PAS. LA PERSONNE FINIT AINSI, SOIT PAR SE MÉPRISER CAR ELLE N'A PAS EU LA VOLONTÉ D'Y CROIRE, SOIT PAR ARRIVER À LA CONCLUSION, APRÈS UNE LONGUE RÉFLEXION ET TÂTONNEMENT, DE LA RÉELLE EXISTENCE DE DIEU. ET CE RÉSULTAT NE RÉCHAUFFE NULLEMENT SON CŒUR. C'EST COMPLÈTEMENT DIFFÉRENT POUR CEUX QUI CROIENT EN PLUSIEURS DIVINITÉS. VOUS VOYEZ LE PAYSAN SORTIR DE SA HUTTE : L'ARBRE QUI LUI DONNE DE L'OMBRE ET APPORTE DE LA FRAÎCHEUR EST POUR LUI LE SIÈGE D'UNE DIVINITÉ BIENVEILLANTE QUI LE BÉNIT. IL REGARDE LE CIEL À TRAVERS LES FEUILLAGES DES ARBRES ET LE SOLEIL BRILLE POUR LA SEULE RAISON QU'UN DIEU AIME LES VOIES EMPRUNTÉES PAR CETTE PERSONNE. LA PLUIE FAIT BOIRE LES CHAMPS CAR LE PAYSAN A FAIT DES SACRIFICES QUI LUI ONT PERMIS D'OBTENIR LA BIENVEILLANCE DU PATRON DES CIEUX POUR

SES BONS TRAVAUX. ET SI CE N'EST PAS LE CAS, CE N'EST PAS DÛ AU HASARD MAIS C'EST LA PEINE QU'IL DOIT SUBIR POUR LES INFRACTIONS COMMISES. SON TROUPEAU AUGMENTE CAR SON PATRON LUI EST BIEN-VEILLANT. S'IL SOUFFRE, C'EST PAR CE QU'IL L'A FÂCHÉ. QUAND IL PREND SA LANCE POUR ALLER CHASSER EN FORÊT, C'EST LE PATRON DE LA MAISON QUI L'A INVITÉ À LE FAIRE APRÈS AVOIR VEILLÉ SUR LUI ET SA FERME TOUTE LA NUIT. IL ENTRE DANS UN BOSQUET DE BOULEAUX ET SENT LE SOUFFLE DIVIN À LA CIME DES ARBRES. SI LA CHASSE EST RÉUSSIE, IL DOIT DE NOUVEAU REMERCIER DIEU EN INVITANT CHEZ LUI UN ÉTRANGER DE PASSAGE QUE LE DIEU GARDIEN DE LA MAISON AVAIT GUIDÉ CHEZ LUI. IL DOIT FAIRE DU FEU EN L'HONNEUR DE CE DIEU. L'INVITÉ PEUT AINSI SE RÉCHAUFFER. PUIS, LE MAÎTRE DE LA MAISON DRESSE LA TABLE POUR QUE L'INVITÉ PUISSE PRENDRE UN BON REPAS. PAR SON HOSPITALITÉ LE MAÎTRE DE LA MAISON RESPECTE ET PROTÈGE LES DROITS DE L'INVITÉ. SI L'HOMME NAVIGUE SUR SON PETIT BATEAU PAR UNE MER AGITÉE, C'EST UN DIEU QUI CALME LES EAUX ; C'EN EST UN AUTRE QUI FAIT SOUFFLER LES VAGUES EN MENAÇANT LE BATEAU. C'EST LE DANGER QUI PROVOQUE LE COURAGE : LE NAVIGATEUR LUTTE ET FAIT DES EFFORTS POUR ATTEINDRE LES RIVAGES. LORSQU'IL RÉUSSIT, C'EST GRÂCE À DIEU QUI L'A AIDÉ À RETROUVER LA VIE! C'EST LA CROYANCE QUI LUI PROCURE DE LA CONFIANCE ET DE LA FORCE. LA PERSONNE QUI CROIT EN PLUSIEURS DIEUX PEUT ÊTRE MOINS CULTIVÉE, PLUS

VIOLENTE, PLUS INDIFFÉRENTE DE CELLE QUI NE CROIT QU'EN UN DIEU UNIQUE, MAIS ELLE EST PLUS FIDÈLE, PLUS HONNÊTE, PLUS FORTE ET PLUS VERTUEUSE QUE LA PREMIÈRE. LA PROXIMITÉ DES DIEUX QUI VEILLENT SUR LA VIE DE L'HOMME, L'UNITÉ CONSTANTE AVEC CES DIEUX ET LEUR ACCESSIBILITÉ PEUVENT ÊTRE LES RAISONS POUR LESQUELLES ELLES SONT CONSIDÉRÉES COMME DES SUPERSTITIONS QUI EMPÊCHENT L'HOMME À APPRENDRE D'AVANTAGE. POUT AUTANT, CET HOMME LÀ EST DOUBLEMENT DILIGENT ET FORT. C'EST POURQUOI, IL EST BON DE RAPPELER CE QU'AVAIT DIT SCHILLER : « QUAND LES DIEUX ÉTAIENT PLUS HUMAINS, LES HOMMES ÉTAIENT PLUS DIVINS ». LES NOTIONS DE BASE DE LA CROYANCE DES LETTONS ÉTAIENT SIMPLES ET PEU NOMBREUSES À L'IMAGE DE LEUR INTELLIGENCE ORDINAIRE, PEU CULTIVÉE. ILS PENSAIENT QUE CHAQUE CHOSE, DU TONNERRE JUSQU'AU TAS DE FUMIER, ÉTAIT PROTÉGÉE PAR UNE DIVINITÉ ET ÉTAIT DONC À RESPECTER. LES LETTONS CROYAIENT À L'ÉTERNITÉ DES ÂMES MAIS ILS N'IMAGINAIENT PAS L'EXISTENCE APRÈS LA MORT. ILS PENSAIENT QUE POUR FAIRE PLAISIR AUX DIEUX, IL FALLAIT AGIR D'UNE MANIÈRE JUSTE. POUR CELA ILS SE LAISSAIENT GUIDER PAR LEURS SENTIMENTS PLUTÔT QUE PAR CEUX DES AUTRES. C'ÉTAIT LÀ TOUTE LA BASE DE LEUR THÉOLOGIE, UN CONTENU SUFFISANT POUR UN PEUPLE QUI NE CONNAISSAIT QUE DES RELATIONS HARMONIEUSES ET DES BESOINS ORDINAIRES. D'APRÈS LES LETTONS, UNE DIVINITÉ VIVAIT TOUJOURS EN DEHORS DE LEURS MAISONS. ILS RES-

PECTAIENT LES TÉMOIGNAGES DE SON EXISTENCE ET DE SON POUVOIR : LE DIEU TONNERRE SOUS LES CHÊNES, TRÈS SOUVENT BRÛLÉ PAR UN COUP DE FOUDRE, LE DIEU DES FORÊTS DANS LES BOSQUETS, LE DIEU DE LA MER SUR LE LITTORAL, LE DIEU PATRON DE LA TERRE SUR LE CHAMP QUI VENAIT DE LUI LIVRER UNE BONNE RÉCOLTE. PAR AILLEURS, CHAQUE MAÎTRE DE MAISON ÉTAIT PASTEUR. DES LIEUX SACRÉS EXISTAIENT POUR LES DIEUX SUPRÊMES. ILS ÉTAIENT SURVEILLÉS PAR DES SERVITEURS DES DIEUX QUI LE FAISAIENT AU NOM DU PEUPLE. IL EN EXISTAIT À NADRAUEN, ROMNOV, MARIENBOURG, HEILIENBEIL ET PRÈS DE VELLAU. UN GRAND CHÊNE DONT LE TRONC FAISAIT DOUZE PIEDS DE LARGEUR, COUVERT DE MOUSSE ET PARFOIS DE PLANTES RAMPANTES ET D'ŒUVRES D'ART RÉALISÉES PAR LES PASTEURS EUX-MÊMES, ÉTAIT AU CŒUR DE CE LIEU NATUREL DE CULTE. DES COUVERTURES ÉPAISSES ÉTAIENT DISPOSÉES TOUT AUTOUR DE CE LIEU SACRÉ. C'EST LÀ OÙ COULAIT LE SANG DES ANIMAUX SACRIFIÉS. CE LIEU ÉTAIT INTERDIT POUR LES YEUX DES GENS ORDINAIRES ET NON CONSACRÉS. MÊME LES KRĪVS, PASTEURS SUPRÊMES, ET LES VAIDELOŠI, LEURS ASSISTANTS, NE POUVAIENT S'Y RENDRE QUE S'ILS EFFECTUAIENT UN RITE SAINT. CE N'EST QUE LORS DES NUITS DE PLEINE LUNE QUE CE MUR QUI SÉPARAIT LE PEUPLE ET SES DIEUX DISPARAISSAIT. LORS DE CES FÊTES LES COUVERTURES ÉTAIENT ENLEVÉES ET LA FOULE POUVAIT SUIVRE À DISTANCE CEUX QUI DIRIGEaient LEUR DESTIN. LES BUSTES DES DIEUX PĒRKUNS,

POTRIMPS ET PĪKOLS ÉTAIENT SUSPENDUS ENTRE LES TROIS GRANDES BRANCHES DE CHÊNE MONTANT VERS LE SOMMET. DES OBJETS DE RITE SE TROUVAIENT PAR TERRE ET LE PASTEUR SUPRÊME PRIAIT COUCHÉ ENTRE EUX. LES VAIDELOŠI, DEBOUT ALIGNÉS, CHANTAIENT DES AIRS LENTS ET SOLENNELS. DES FLAMMES MONTAIENT ACCOMPAGNÉES DE NUAGES DE FUMÉE PROVENANT DE SACRIFICES BRÛLÉS. ILS DIFFUSAIENT UNE LUMIÈRE MAGIQUE QUI NUANÇAIT PARFOIS AVEC LA NUIT. PĒRKUNS, LE DIEU DU TONNERRE, QUI A CONSERVÉ SON NOM AUPRÈS DES LETTONS ENCORE AUJOURD'HUI, ÉTAIT REPRÉSENTÉ COMME UN HOMME D'ÂGE MOYEN, AVEC UN VISAGE MÉCHANT. UNE COURONNE DE FLAMMES ENTOURAIT SA TÊTE ET UNE BARBE NOIRE DESCENDAIT SUR SA POITRINE. LE RITE DU TEMPS ÉTAIT SOUS SON POUVOIR. C'ÉTAIT LUI LE DIEU DES DIEUX. DES CHÊNES SACRÉS LUI ÉTAIENT DÉDIÉS ET DES FEUX DE LEUR BOIS TOUT AUTOUR. LE ROUGISSEMENT ÉTAIT LE LANGAGE DE CE DIEU PĒRKONS. LES LETTONS DISENT ENCORE MAINTENANT QUE LE VIEUX PÈRE GRONDE. COMME LEUR NIVEAU INTELLECTUEL ÉTAIT ASSEZ DÉVELOPPÉ, ILS DISAIENT AUSSI QUE LE DIEU TONNERRE VOULAIT DES OFFRANDES. ALORS LES MAÎTRES SORTAIENT DE LEURS MAISONS EN PORTANT SUR LEURS ÉPAULES DES RÉCIPIENTS CONTENANT DE LA VIANDE FRAÎCHE. ILS PRIAIENT LE TONNERRE DE LES ÉPARGNER EN VISITANT LEURS CHAMPS. QUAND L'ORAGE ÉTAIT PASSÉ SANS FAIRE DE MAL, ILS ÉTAIENT HEUREUX DE PROFITER AVEC LEURS FAMILLES DE CE BEAU CADEAU

BÉNI. A DROITE DE PĒRKUNS SE TENAIT POTRIMPS, UN JEUNE JOYEUX ET SOURIANT, PORTANT UNE COURONNE D'ÉPIS DE BLÉ. IL EST PROBABLE QU'IL INCARNAIT LE SOLEIL QUI PORTAIT DE LA FERTILITÉ AUX CHAMPS. POUR FAIRE PLAISIR À CE DIEU, LES LETTONS DONNAIENT DU LAIT AUX SERPENTS INOFFENSIFS. CELA SYMBOLISAIT LA PROSPÉRITÉ DE LA MAISON. DES MOINES CHRÉTIENS REPROCHAIENT À CE DIEU GENTIL D'EXIGER DE SACRIFIER LES ENFANTS. HABITUELLEMENT ON LUI OFFRAIT DE L'ENCENS ET DE LA CIRE. QUAND IL S'AGISSAIT DE FÊTES IMPORTANTES, LES PASTEURS FAISAIENT UN JEÛNE DE TROIS JOURS. PENDANT CETTE PÉRIODE, ILS DORMAIENT PAR TERRE. C'ÉTAIT UNE MANIÈRE D'EXPRIMER AVEC MODESTIE DE LA RECONNAISSANCE À CELUI QUI APPORTAIT DE L'ABONDANCE. CETTE SITUATION REPRÉSENTAIT PEUT-ÊTRE LA MISÈRE DANS LAQUELLE DEVAIT SE TROUVER LES GENS SANS SA BIENVEILLANCE. A GAUCHE DU DIEU « RÂLEUR QUI PROVOQUAIT DES COUPS DE Foudre » TRÔNAIT LE DIEU PĪKOLS. LE REGARD MÉCHANT DU DIEU SUPRÊME VISAIT CELUI QUI, DÉGUISÉ EN VIEILLARD AU VISAGE PÂLE ET SALI PAR LE SANG, PORTAIT UNE BARBE BLANCHE ET AVAIT LA TÊTE ENVELOPPÉE PAR UN DRAP BLANC. IL REPRÉSENTAIT LE MONDE SOUTERRAIN ET NON PAS L'AMOUR. IL INCARNAIT L'AU-DELÀ QUI FAISAIT TREMBLER TOUS LES VIVANTS. LES TÊTES DE MORTS ACCROCHÉES SUR DES PERCHES ÉTAIENT LES SYMBOLES QUI LE REPRÉSENTAIENT. LA GRAISSE BRÛLÉE DANS UNE MARMITE ÉTAIT LE SACRIFICE QU'ON LUI

FAISAIT. AVANT DE COMMENCER UNE GUERRE, ON SACRIFIAIT UNE PERSONNE DU PEUPLE ENNEMI. ON OBSERVAIT SI LE SANG DE SA POITRINE PERCÉE COULAIT PAR GOUTTES OU À FLOT. CELA SIGNIFIAIT SOIT UNE DÉFAITE, SOIT UNE VICTOIRE. APRÈS LA BATAILLE LES PRISONNIERS LES PLUS IMPORTANTS ÉTAIENT ÉTRANGLÉS. UN CERTAIN CHEVALIER GERHARD AURAIT CONNU UN DESTIN SIMILAIRE EN PRUSSE. IL SE FIT ATTACHER, ÉQUIPÉ DE SON ARMURE DE GUERRE, À SON CHEVAL DONT LES QUATRE PIEDS ÉTAIENT FIXÉS AUX QUATRE PIQUETS ENFONCÉS DANS LA TERRE. UN ÉNORME BÛCHER FUT ÉDIFIÉ AUTOUR ET ALLUMÉ. HIRCHALTZ, UN CITOYEN DE MAGDEBOURG, FUT SACRIFIÉ DE LA MÊME MANIÈRE PLUS TARD. PARFOIS ON SE CONTENTAIT DE SACRIFIER À CE DIEU DES CHEVAUX BLANCS. DANS CE CAS ON LES FAISAIT COURIR JUSQU'À CE QU'ILS TOMBENT PAR TERRE À MOITIÉ MORTS. REVENAIENT À PĪKOLS LE SOIN DE RÉALISER DES SACRIFICES EN LIEN AVEC L'ENTERREMENT D'UN DISPARU. C'EST LUI QUI VEILLAIT À CE QUE LES PASTEURS SOIENT BIEN RÉCOMPENSÉS. SI EN PARTAGEANT UN HÉRITAGE, ILS ÉTAIENT OUBLIÉS OU MAL TRAITÉS, PĪKOLS ERRAIT LA NUIT DANS LA MAISON ET LES ENTREPÔTS EN FORÇANT AINSI LES HÉRITIERS À CORRIGER LEUR FAUTE. CES CADEAUX LEUR PERMETTAIENT PARFOIS DE CONVAINCRE UN VAIDELOTIS D'ÊTRE DE LEUR CÔTÉ. CE DIEU, LE PATRON DE L'ENFER, N'ÉTAIT SATISFAIT QUE PAR LE SANG. LE MOINE FRAPPAIT TRÈS FORT SES MAINS LORS DE SA LONGUE PRIÈRE. CE BRUIT DANS LA CHAPELLE

DES DIEUX PROTÉGEANT LES MAISONS INDIQUAIT QUE LE DIEU ÉTAIT ENFIN CONTENT. ENCORE MAINTENANT, DANS QUELQUES RÉGIONS DE VIDZEME ON CONNAÎT LE MOT PEKLE (PROVENANT DU MOT PĪKOLS) QUI SIGNIFIAIT L'ENFER. C'EST PĪKOLS QUI ACCOMPAGNE LES ENFANTS VERS LE SOMMEIL. LES LETTONS NE LUI ONT PAS TROUVÉ DE NOM ALLEMAND EN REMPLACEMENT. LE DEUXIÈME TYPE DE DIVINITÉS, QUI NE POSSÉDAIENT PAS D'AUTEL, ÉTAIT LE PLUS NOMBREUX. LE DIEU OKOPIRUN EN FAISAIT PARTIE. C'EST LUI QUI CONNAISSAIT LE LANGAGE DES ÉTOILES ET LES CHANGEMENTS DE SAISONS. PAR CONTRE, AUCUN CULTES NE LUI ÉTAIT DÉDIÉ. KURHO VEILLAIT SUR LA MOISSON. CHAQUE ANNÉE ON LUI OFFRAIT LA PREMIÈRE RÉCOLTE. APRÈS QUOI, SA REPRÉSENTATION ÉTAIT DÉTRUITE ET ÉDIFIÉE SUR UNE AUTRE COLLINE. LA FIGURE LA PLUS IMPORTANTE LE REPRÉSENTANT SE TROUVAIT PRÈS D'UN CHÊNE À HEILIGENBEIL. C'EST À CE DIEU QU'ON S'ADRESSAIT POUR VENIR EN AIDE AUX PAYSANS DONT LES CHAMPS AVAIENT ÉTÉ BRÛLÉS PAR LES ALLEMANDS. LES PRIÈRES ÉTAIENT INSCRITES SUR UN DRAPEAU, CE QUE J'AVAIS DÉJÀ MENTIONNÉ. LE DIEU SVAIKSTIK, APPELÉ SVANTEVIT OU AUSEKLIS, DIEU À LA TÊTE DE LION, ÉTAIT ADORÉ EN POMÉRANIE, DE MÊME QU'EN MECKLENBOURG. PERDOITIS ÉTAIT LE DIEU DES VENTS. IL TRAVERSAIT LA MER ET LA TERRE. SES BOUCLES DE CHEVEUX ÉTAIENT DES NUAGES ET SON SOUFFLE PROVOQUAIT DE L'ORAGE QUAND IL TOURNAIT LA TÊTE. C'EST À LUI ET AU DIEU GARDIETIS (LE GOURMAND), DIEU DE LA PÊCHE, QUE

LES LETTONS OFFRAIENT LE REPAS DE LEUR PÊCHE. PERGRUB, LE CHASSEUR DE BOURGEONS, ÉTAIT LE DIEU DU PRINTEMPS. IL FAISAIT ÉCLORE LES FEUILLES, LES FLEURS ET LES GERMES DU BLÉ EN PROVOQUANT LA FÊTE DES FÊTES, LE PRINTEMPS. PUŠKAITIS, LE DIEU DE LA TERRE, VIVAIT TRÈS SOUVENT SOUS DES LILAS ÉPAIS. C'EST LÀ QU'ON LUI PORTAIT DE LA BIÈRE ET DES PLATS, EN LUI DEMANDANT DE RICHES CADEAUX POUR LES MAISONS DES PAYSANS TENUS PAR LES TROIS PETITS ESPRITS : BERSTUK, MARKOPET ET PILVAITIS, PROTECTEURS DE LEURS MAISONS. LIGO ÉTAIT LE DIEU DE L'AMOUR ET DE L'AMITIÉ. UNE FÊTE POPULAIRE QUI LUI EST CONSACRÉE ÉTAIT ORGANISÉE CHAQUE ANNÉE AU MILIEU DE L'ÉTÉ. AUSKUT OU AVSKUTIS, LE TONDEUR DE MOUTONS, ÉTAIT HOSTILE ET MÉCHANT. C'EST LUI QUI FAISAIT CIRCULER ENTRE LES GENS ET LES ANIMAUX DES MALADIES ET DES SOUFFRANCES. C'ÉTAIT PAR SA VOLONTÉ QUE LES MOUTONS PERDAIENT LEURS POILS, CE QUI SIGNIFIAIT QUE LA PESTE N'ÉTAIT PAS LOIN. LA MÈRE LAIMA AIDAIT LES FEMMES QUI ACCOUCHAIENT. UZIŅŠ, ÉTAIT LE DIEU DES ABEILLES, COMME CELA A ÉTÉ DÉJÀ EXPLIQUÉ. MAIS LES DIEUX DE CE TYPE SONT TROP NOMBREUX POUR QU'ON PUISSE LES MENTIONNER TOUS. C'EST POURQUOI JE VAIS POURSUIVRE AVEC LE TROISIÈME TYPE DE DIVINITÉS EN COMMENÇANT PAR LE DIEU VIDEVUT, APPELÉ IŠVAMBROTAS OU LE VILLAGEOIS, MAÎTRE DE LA MAISON. IL ÉTAIT LE SEUL PARMIS LES DIEUX POUR LEQUEL ON PROCÉDAIT À DES RITES. CE DIEU ÉTAIT CONSIDÉRÉ, DÉJÀ

DEPUIS PLUS DE 500 ANS, COMME LE FONDATEUR DE L'AGRICULTURE LETTONE ET LE PATRON DE LA FERME. DANS CERTAINES MAISONS UN ENDROIT SPÉCIAL LUI ÉTAIT AMÉNAGÉ OÙ ON LUI PORTAIT DU MIEL ET DU LAIT. A CHAQUE REPAS FESTIF ON PENSAIT À LUI EN LUI OFFRANT DES PLATS ET DES BOISSONS PARTICULIERS: UN PEU DE BIÈRE DE CHAQUE COUPE BUE, QUELQUES MORCEAUX DE PLATS APPORTÉS JETÉS DANS UN COIN DE LA PIÈCE. LA FÊTE QUI LUI ÉTAIT SPÉCIALEMENT DÉDIÉE ÉTAIT CELLE DU PRINTEMPS ET LA FÊTE DU TRONC D'ARBRE QUE JE DÉCRIRAI PLUS TARD. LES ESPRITS BERSTUK, MARKOPET ET PILVAITS S'INTRODUISAIENT DANS LA PIÈCE PAR LES RAYONS DE LA LUNE, TOUT PARTICULIÈREMENT POUR RENDRE VISITE AUX MALADES ET CEUX QUI MANQUAIENT DE SOMMEIL. ILS ÉTAIENT SOUVENT DÉGUISÉS EN ENFANTS ENVELOPPÉS DANS DES FANCHONS. LEURS VISITES ÉTAIENT AGRÉABLES CAR ILS APPORTAIENT DE L'ABONDANCE DANS LES ENTREPÔTS DE BLÉ ET DANS LA CAVE. ILS MULTIPLIAIENT TOUT PAR UN AGRÉABLE MIRACLE. LA NUIT, LES GENS LEUR OFFRAIENT DES PLATS DANS DE PETITS BOLS POSÉS AU GRENIER ET DANS LE GARDE-MANGER. LES HOMMES ÉTAIENT HEUREUX EN CONSTATANT QUE LES ESPRITS AVAIENT TOUCHÉ LES PLATS. CELA ÉTAIT PERÇU COMME UNE BÉNÉDICTION. LES SERPENTS, QUI PARMIS TOUS LES REPTILES ÉTAIENT LES ANIMAUX LES PLUS ODIEUX, ÉTAIENT CONSIDÉRÉS COMME UNE ESPÈCE DE DIVINITÉ. DANS LES LÉGENDES RACONTANT DES CROYANCES ANCIENNES, LES SERPENTS OCCU-

PAIENT UNE PLACE IMPORTANTE. LES LETTONS NOURRISSAIENT CHEZ EUX UNE ESPÈCE DE SERPENTS INOFFENSIFS ET LENTS. ILS S'EN OCCUPAIENT AVEC UN SOIN PARTICULIER. CETTE COHABITATION ÉTAIT SI RÉELLE QUE PARFOIS LES ENFANTS PARTAGEAIENT AVEC EUX LES MÊMES PLATS. TUER UN SERPENT ÉTAIT CONSIDÉRÉ COMME UN GRAND CRIME QUI POUVAIT PROVOQUER DU MALHEUR À LA FERME. LES SERPENTS DE LA FORÊT ÉTAIENT RESPECTÉS TOUT PARTICULIÈREMENT. LES FEMMES LEUR PORTAIENT DU LAIT DANS DES RÉCIPIENTS EN BOIS EN DEMANDANT PAR CE GESTE UNE FORCE MASCULINE POUR LEURS ÉPOUX. LES CHEVAUX NOIRS ET BLANCS, LES CERFS, LES CRAPAUDS ET BIEN D'AUTRES ANIMAUX ÉTAIENT AUSSI CONSIDÉRÉS COMME DES ÊTRES SAINTS. LES FORÊTS, LES LACS, LES RUISSEAUX ET LES COLLINES ÉTAIENT POUR LES LETTONS DES LIEUX SACRÉS. ILS APPORTAIENT DES OFFRANDES DANS DES FORÊTS SAUVAGES DANS LESQUELLES ON POUVAIT CHASSER, DANS DES EAUX OÙ ON POUVAIT PÊCHER ET DANS DES CHAMPS À LABOURER. CES LIEUX SONT ENCORE VISITÉS EN CACHETTE ET RESPECTÉS. LES CIMETIÈRES DES ANCÊTRES ÉTAIENT MIS À L'HONNEUR TOUT PARTICULIÈREMENT. UNE FÊTE SPÉCIALE ÉTAIT DÉDIÉE AUX ÂMES DES PROCHES MORTS. UN JOUR PRÉCIS DE L'HIVER LE MAÎTRE DE LA MAISON FAISAIT CHAUFFER LA MEILLEURE PIÈCE DE SA DEMEURE QUI FUT TOUJOURS LA SALLE D'EAU. IL L'A NETTOYAIT, PUIS Y DRESSAIT UNE TABLE ET Y POSAIT DES PLATS RAFFINÉS. APRÈS L'AVOIR FAIT, IL RENVOYAIT SA FAMILLE

À LA PORTE D’OÙ IL SE TENAIT AVEC, DANS LES MAINS, DES BÛCHETTES À LA PLACE DE BOUGIES. IL INVITAIT ALORS SOLENNELLEMENT LES ÂMES DE SES PROCHES À SA TABLE. IL LES APPELAIT PAR LEURS NOMS ET ÉCLAIRAIT PAR LUI-MÊME LA PIÈCE PENDANT QUELQUES HEURES À LA LUMIÈRE DES BÛCHETTES. QUAND, SELON LUI, LES INVITÉS INVISIBLES AVAIENT MANGÉ, IL ÉTEIGNAIT LES BÛCHETTES SUR LE SEUIL ET ENCOURAGEAIT LEURS ÂMES À EMPRUNTER LA GRANDE ROUTE POUR LEUR ÉVITER DE MARCHER SUR LE BLÉ. PARMI TOUTES LES FÊTES, LA PLUS IMPORTANTE ÉTAIT CELLE DÉDIÉE À PERGRUB LE GENTIL ÉGALEMENT APPELÉ LE CHASSEUR DE BOURGEONS. IL EST FACILE DE DEVINER POURQUOI CETTE FÊTE SE DÉROULAIT AU PRINTEMPS. AVEC L’ARRIVÉE DU BEAU TEMPS ET LA FLORAISON DES NOISETIERS, LE PASTEUR RÉUNISSAIT LES GENS DU VILLAGE. ON CHANTAIT DES CHANTS D’ÉLOGE, PUIS ON ABATTAIT DEUX AGNEAUX PORTAIENT PAR DEUX JEUNES FILLES JOLIMENT HABILLÉES. ILS ÉTAIENT BRÛLÉS AU FEU DE BRANCHES D’UN ARBRE QUI N’AVAIT PAS ENCORE DE FRUITS. C’ÉTAIT LE SYMBOLE DE TOUS LES ESPOIRS. PUIS LE PASTEUR VIDAIT UNE COUPE DE BIÈRE FRAÎCHE, LA JETAIT PAR-DESSUS SON DOS EN S’EXCLAMANT : « PUISSANT PERGRUB, PÈRE DES VIVANTS! TU CHASSES L’HIVER, TU BÉNIS LA TERRE, TU FAIS POUSSER DE L’HERBE ET DES FLEURS! BÉNIS NOS CHAMPS ET FAIT DISPARAÎTRE LES MAUVAISES HERBES! BÉNIS NOS FORÊTS ET NOS JARDINS! POUR QUE CHAQUE PETITE BRANCHE DEVIENNE UNE BRANCHE, POUR QUE

LES HOMMES ET LE BÉTAIL TROUVENT DE L'OMBRE, POUR QUE CHAQUE BOURGEON DEVIENNE UNE FLEUR, ET CHAQUE FLEUR UN FRUIT ; POUR QUE LES GENS, LES ABEILLES ET LES OISEAUX NE MANQUENT PAS DE NOURRITURE, POUR QU'ILS TE FASSENT ÉLOGE ». PUIS LA FOULE DES GENS AVANÇAIT DANS LA FORÊT. UN JEUNE TAUREAU ÉTAIT AMENÉ VERS UN AUTEL. LE PASTEUR PRIAIT LES MAINS LEVÉES : « DIEU PERKUN ! TES ENFANTS TE SACRIFIENT CE TAUREAU ! BÉNIS, NOTRE PÈRE, LA CHARRUE EN FER ET LES CHAMPS ! POUR QUE LA PAILLE SOIT ROUGE COMME LE CUIVRE, AUSSI ÉPAISSE QUE CELLE DU JONC, QUE SES ÉPIS SOIENT GRANDS, LONGS ET REMPLIS DE BON GRAIN ».

PEOPLE CREATE A GOD FOR THEMSELVES AND IT CREATES A CHARACTER FOR THEM. THEIR DISCOVERIES IN THE INVISIBLE WORLD DETERMINE WHAT THEY ARE IN THE VISIBLE WORLD. WHOSOEVER FIRST THINKS OF DIVINITY AND GETS THE PEOPLE TO ADOPT THAT WHICH HE HAS IMAGINED IN HIMSELF, STAMPS A SIGN ON IT, WHICH MANY THOUSANDS OF YEARS WILL NOT ERASE. IT IS TRUE THAT IN ALL ITS PROPERTIES, THE IMAGINED SPIRIT IS MERELY THE REFLECTION OF THE ONE WHO IMAGINED HIM, BUT HE REFLECTS ALL THE HEARTS OF THOSE WHO HONOURED HIM. JUST AS THE BRAHMAN GOD ASSUMED THE NATURE OF A HARD, VENGEFUL AND PROUD WARLORD FOR THE PREACHERS IN THE ARABIAN DESERTS, SO THE ISRAELITES BECAME THE BLOOD-THIRSTY, IMPLACABLE AND HIGH-MINDED ENEMIES OF HUMANITY IN ORDER TO EQUATE THEMSELVES WITH THE IDEAL IMPOSED ON THEM. THE SON OF MAN IMAGINED HIS HEAVENLY FATHER AS BEING AS ENAMoured OF THE PEOPLE, AS FULL OF LOVE AND AS CHARITABLE AS HE HIMSELF WAS. HIS FOLLOWERS IN THE FIRST YEARS AFTER HIS DEATH WERE THE SAME. IF THE IDEA OF DIVINITY HAS SUCH A MAJOR INFLUENCE ON MONOTHEISTS, WHY SHOULD THIS NOT BE THE CASE IN RELATION TO POLYTHEISTS WHO ARE ALWAYS SO CLOSE TO THEIR GODS! IT IS POINTLESS TO SAY TO THE FORMER, "GOD IS AN OMNIPRESENT SPIRIT!" EITHER HE GIVES NO THOUGHT TO THIS OR CONSIDERS THIS MAJOR CONCEPT WITH GREAT AMAZEMENT. GOD'S OVERALL PRESENCE PREVENTS HIM FROM BEING PRESENT FOR EACH PER-

SON INDIVIDUALLY. "I AM TOO INSIGNIFICANT FOR AN ENTITY TO PAY SPECIAL ATTENTION TO ME WHO MIGHT JUST AS WELL LIVE AND GOVERN IN CHINA, ON THE FARTHEST STAR, AS WELL AS HERE AMONGST US." THUS, IN HIS HEART, PERHAPS NOT EVEN REALISING IT, PROTESTED ONE BELIEVER IN GOD. THIS GOD LEFT HIM SO COLD, SO INDIFFERENT THAT HE FINALLY BEGAN INVESTIGATING WHETHER SUCH AN ENTITY REALLY EXISTED? FINALLY, EITHER BECAUSE HE DISDAINED HIMSELF FOR BELIEVING AT ALL, OR ELSE AFTER LENGTHY DELIBERATION AND FUMBLING, HE INHERITED AN APATHETIC POSSIBILITY, WHICH COULD NEVER HEAT HIS HEART; NOT EVEN FOR A MOMENT. IT IS QUITE DIFFERENT WITH POLYTHEISTS. LOOK AT HIM EMERGE FROM HIS HUT – THAT TREE, WHICH SHADOWS HIM AND FANS HIS COOL, IS THE HOME OF SOME GOOD-NATURED GOOD OR ELSE IS BLESSED BY HIM. HE LOOKS UPWARDS THROUGH A ROOF OF LEAVES – THE SUN SHINES ON HIM, BECAUSE IT LIKES HIS PATHS, OR ELSE THE RAIN WATERS HIS CROPS, BECAUSE HE HAS INHERITED THE GOODWILL OF THE MASTER OF THE AIR THROUGH HIS SACRIFICES OR GOOD WORKS. IF EITHER OF THEM HARMS HIM, THEN THIS IS NO COINCIDENCE, BUT RATHER PUNISHMENT FOR HIS SINS FOR WHICH HE MUST PAY PENANCE. HIS HERD GROWS, BECAUSE HIS GUARDIAN IS WELL-DISPOSED TOWARDS HIM; IF HE SUFFERS, HE SUFFERS, BECAUSE HE HAS ANGERED HIM. HE HOLDS HIS SPEAR TO GO HUNTING IN THE FOREST, BECAUSE HE HAS BEEN INVITED TO SHOW HIS PIOUS GRATITUDE

BY THE GOD OF THE HOUSE WHO HAS PROTECTED HIM AND HIS FARM DURING THE NIGHT. HE ENTERS THE GROVE: THE SONG OF DIVINITY RUSTLES THROUGH THE TREETOPS. IF THE HUNT IS SUCCESSFUL, HE MUST EXPRESS HIS GRATITUDE ANEW, AND HOW COULD HE DO THIS MORE DILIGENTLY THAN BY THROUGH HOSPITALITY TO A STRANGER WHO THE GUARDIAN GOD HAS GUIDED INTO HIS HUT IN THE INTERIM? IN HONOUR OF THIS GUARDIAN GOD, HE LIGHTS THE FLAME IN THE FIREPLACE IN HIS HOUSE, NEXT TO WHICH HIS GUEST WARMS HIMSELF; HE LAYS THE TABLE FOR HIM, AT WHICH HE EATS. HE HONOURS HIS RIGHTS THROUGH THE NOURISHMENT AND PROTECTION HE GIVES HIM. HE SAILS THE SEA IN A SWAYING BOAT – ONE GOD CALMS THE WATERS BEFORE HIM, WHILE ANOTHER GOD RAISES THEM UP HIGH AND DRIVES THE WAVES IN A STORM, THREATENING THE BOAT WITH DESTRUCTION. DANGER GENERATES COURAGE: THE SAILOR STRUGGLES AND FIGHTS, HE REACHES THE SHORE, HE JUMPS ONTO THE BANK – THERE IS A GOD FROM WHOM HE HAS RECLAIMED HIS LIFE! WHAT SELF-CONFIDENCE, WHAT STRENGTH HE'LL BE ABLE TO DRAW ON FROM THESE THOUGHTS! YES, THE POLYTHEIST MAY BE LESS REFINED, MORE RUTHLESS AND LESS SENSITIVE THAN THE MONOTHEIST, BUT HE WILL ALSO BE MORE TRUSTWORTHY, SINCERE, STRONGER, MORE DURABLE AND VIRTUOUS THAN HIM. THE PROXIMITY OF HIS GODS, BENEATH WHOSE EYES HE WALKS, THE CONSTANT BOND THAT EXISTS BETWEEN HIM AND THEM, AND THE FACT THAT THEY

ARE WITHIN REACH COULD BE THE CAUSES AS TO WHY SUPERSTITION GETS THE BETTER OF HIS KNOWLEDGE; WHILE HE INHERITS TWICE AS MUCH DILIGENCE AND STRENGTH AS HE LOSES. AND IN THIS REGARD, ONE SHOULD REMEMBER SCHILLER'S APHORISM, "WHEN THE GODS WERE MORE HUMANE, THE PEOPLE WERE MORE DIVINE." LATVIAN CONCEPTS OF FAITH WERE NOT MANY IN NUMBER, NOR WERE THEY CONCEIVED WITH REFINED INTELLIGENCE. THEY BELIEVED THAT EVERYTHING — RANGING FROM THUNDER THROUGH TO A PILE OF MANURE — HAD ITS OWN SPECIAL DEITY, WHICH NEEDED TO BE HONOURED. THEY BELIEVED IN THE IMMORTALITY OF THE SOUL, NOT WISHING TO BE CATEGORICAL IN REGARD TO ITS FUTURE EXISTENCE. THEY THOUGHT THAT IN ORDER TO PLEASE THE GODS, THEY SHOULD DO WHAT IS JUST, AND WHEN IT CAME TO FINDING JUSTICE, THEY RELIED ON THEIR FEELINGS, WHICH ARE A SAFER GUIDE THAN THE GREATER DELIBERATIONS OF MORALISTS. THIS WAS THE ENTIRE CONTENT OF THEIR THEOLOGY, SUFFICIENT FOR A PEOPLE THAT KNEW ONLY HARMONIOUS RELATIONS AND NEEDS. IN THE OPINION OF LATVIANS, A DEITY WAS TOO EXALTED FOR IT TO BE CONFINED WITHIN FOUR WALLS. THEY HONOURED IT WHERE THEY FOUND EVIDENCE OF ITS EXISTENCE AND POWER: THE GOD OF THUNDER UNDER THE OAKS, WHICH WERE OFTEN SCORCHED BY LIGHTNING, THE GOD OF THE SEA IN JŪRMALA, THE PROTECTOR OF THE CORNFIELDS IN THE FIELD FROM WHICH HIS BLESSINGS HAD JUST BEEN GATHERED. MOREOVER, EVERY LANDLORD

WAS A PRIEST. IN ADDITION, THEIR MOST EXALTED DEITIES HAD CERTAIN PLACES WHERE SPECIAL SERVANTS WAITED ON THEM ON BEHALF OF THE PEOPLE. SUCH PLACES INCLUDED NADRAUENA 125 ROMNOVE 126, MARIENBURG, HEILIENBEIL AND ONE NEAR VELAU. IN THE FIRST PLACE, THERE STOOD AN OAK MEASURING TWELVE FEET ON AVERAGE, AND SEEMINGLY MOSS AND GREEN CREEPERS, AND PERHAPS THE ART OF THE PRIESTS, KEPT IT GREEN IN WINTER. AROUND IT WERE LAID BLANKETS IN EIGHT LAYERS: THUS EMERGED THE HOLY SQUARE, WHICH MORE OFTEN THAN NOT WAS MOISTENED BY THE BLOOD OF VICTIMS, WHICH WAS OUT OF SIGHT TO THE NON-CONFIRMED MASSES AND WHICH EVEN THE HEAD PRIEST AND MOST EMINENT CLERICS WERE FORBIDDEN TO ENTER EXCEPT WHEN THEY HAD TO PERFORM HOLY DUTIES. ONLY ON THE MOST FORMAL MOONLIT EVENINGS WAS THE TERRIBLE WALL SEPARATING THE PEOPLE FROM THEIR GODS LOWERED. THE BLANKETS UNFURLED THEMSELVES, AND FROM A REVERENT DISTANCE, THE CROWD OF PEOPLE WOULD LOOK UP WITH HORROR AT THE CONDUCTORS OF THEIR DESTINY AS IF THEY BELONGED TO ANOTHER WORLD. HIGH AMONG THREE LARGE FORKED BRANCHES OF AN OAK TREE, WHICH FROM THE TRUNK UP WENDED THEIR SEPARATE AND CROOKED WAYS AWAY FROM ONE ANOTHER BEFORE CONVERGING ONCE AGAIN TOWARDS THE TOP, SHONE THE BUSTS OF PĒRKUNS, POTRIMPS AND PĪKOLS. AT THEIR FEET STOOD THEIR HOLY DESIGNATIONS, AND AMONG THEM LAY THE HEAD PRIEST PRAYING ON HIS

CHEEK. CLERICS, STANDING IN LONG QUEUES, SANG LONG FORMAL SONGS OF PRAISE, WHILE UPWARDLY ROLLING FLAMES AND CLOUDS OF SMOKE FROM THE IMMOLATED VICTIMS CAST A MAGICAL AND MUTABLE LIGHT OVER THE DISTINGUISHED CROWD, WHICH OCCASIONALLY MINGLED WITH THE DARKNESS. PĒRKUNS, THE GOD OF THUNDER, WHOSE NAME LIVES ON AMONG LATVIANS TO THE PRESENT DAY, WAS DEPICTED AS A MIDDLE-AGED MAN WITH AN ANGRY AND THREATENING FACE. HIS HEAD WAS ADORNED WITH A CROWN OF FLAMES WHILE HIS CURLY BLACK BEARD HUNG DOWN OVER HIS CHEST. THE WEATHER WAS UNDER HIS CONTROL, AND HE WAS ALSO THE RULER OF OTHER GODS. HE HAD SPECIALLY BLESSED OAKS AND THE ETERNAL FLAME FROM THE FIREWOOD OF THESE TREES WAS BURNED IN A HOLY CIRCLE IN HIS HONOUR. THE CLAPPING OF THUNDER WAS THIS GOD'S LANGUAGE. EVEN TODAY, LATVIANS STILL SAY, "THE OLD MAN'S BARKING," WHENEVER THERE ARE CLAPS OF THUNDER. SINCE THEIR LINE OF THINKING WAS NOT THAT REFINED, THEY TENDED TO SAY, "HE'S TALKING AT THE HEAD PRIEST." THEN THE LANDLORDS WOULD EMERGE FROM THEIR HUTS, SHOULDERING PLATES OF FRESH MEAT, QUIETLY PRAYING FOR MERCY AND THUS WALKING AGROUND THE BOUNDARIES OF THEIR FIELDS. AND WHEN THE STORM HAD PASSED WITHOUT DOING ANY DAMAGE, THEY HAPPILY ENJOYED THE BLESSED GIFT TOGETHER WITH THEIR FAMILIES. TO THE RIGHT OF PĒRKUNS STOOD POTRIMPS, A HAPPY, SMILING YOUTH WHOSE HEAD WAS DECORAT-

ED WITH A CROWN OF [CROP] EARS. PERHAPS HE WAS THE GOD OF THE SUN WHO GAVE THE CROP FIELDS THEIR FERTILITY. HIS SACRED THING WAS THE HEAPS UNDER WHICH MEEK SNAKES WERE FED IN A POT AS A PLEDGE OF THE ABUNDANCE OF THE HOUSE. CHRISTIAN MONKS ACCUSED THIS KINDLY GOD OF DEMANDING CHILDREN AS A SACRIFICE. THE TYPICAL GIFTS BROUGHT TO HIM WERE INCENSE AND WAXES. THE PRIESTS PREPARED FOR HIS CELEBRATION BY FASTING FOR THREE DAYS DURING WHICH TIME THEY LAY ON THE BARE GROUND. PERHAPS THROUGH THIS SENSE OF POVERTY THEY WISHED TO KINDLE THE HIGHEST GRATITUDE TO THE GOD OF ABUNDANCE, OR MAYBE THEIR STATE HAD TO DEPICT THE DEVASTATION THAT WOULD SUFFOCATE PEOPLE WERE IT NOT FOR HIS BENEFICENCE. SITTING ON HIS THRONE TO THE LEFT OF THE "GROWLER AND KICKER" WAS PĪKOLS, AND THE ANGRY GLARE OF THE SUPREME GOD WAS DIRECTED AT HIM, WHO LOOKED LIKE A PALE SENIOR CITIZEN WITH A BLOODSTAINED FACE AND A LONG GREY BEARD AND THE WHITE CLOTH OF A CORPSE WRAPPED AROUND HIS HEAD – AT HIM, A GOD OF THE UNDERGROUND, WHO DEMANDED NOT LOVE, BUT MERELY THE TREMBLING OF ALL THOSE ALIVE. HIS SIGNS WERE THE HEADS OF CORPSES THAT STOOD BEFORE HIM PINNED ONTO CARDS, AND HIS STANDARD SACRIFICE WAS LARD, WHICH WAS BURNED IN A POT. BEFORE THE START OF WAR, HE RECEIVED A SACRIFICE IN THE FORM OF A MEMBER OF THE ENEMY PEOPLE, AND DRIPPING OR RUNNING BLOOD FROM THE STABBED

CHEST OF THE SACRIFICIAL VICTIM EITHER MEANT IMPENDING DEFEAT OR VICTORY. AFTER THE BATTLE, THE MOST EMINENT PRISONERS WERE ONCE AGAIN STRANGLERED IN HONOUR OF HIM. ONE CRUSADER NAMED GERHARDS ONCE EXPERIENCED THIS FATE IN PRUSSIA. HE WAS TIED UP IN FULL BATTLE DRESS TO A HORSE, WHOSE LEGS WERE TIED TO FOUR STAKES DRIVEN INTO THE GROUND. A LARGE PYRE WAS BUILT AROUND HIM AND SET ALIGHT. SUBSEQUENTLY, HIRCHALZ, A CITIZEN OF MAGDEBURG, WAS SACRIFICED IN A SIMILAR MANNER. SOMETIMES, THEY CONTENTED THEMSELVES WITH PRESENTING THIS GOD WITH SACRIFICES OF WHITE HORSES, WHO WERE GIVEN THE RUN AROUND BEFOREHAND UNTIL THEY DROPPED TO THE GROUND EXHAUSTED AND HALF-DEAD. THOSE SACRIFICES, WHICH WERE LAID DOWN IN CONNECTION WITH THE SALVATION OF A CORPSE, WERE INTENDED FOR PĪKOLS. HE ALSO TOOK CARE TO ENSURE THAT PRIESTS RECEIVED THEIR FAIR SHARE. IF, IN DIVIDING UP A LEGACY, THEY HAD BEEN FORGOTTEN OR HAD RECEIVED ONLY A PARSIMONIOUS BEQUEST, HE WOULD CRASH ABOUT THE HOUSE AND BARN AT NIGHT AND THUS FORCE THE HEIRS TO MAKE AMENDS AND GET SOME PRIEST ON THEIR SIDE WITH GIFTS. HOWEVER, ONLY BLOOD COULD SATISFY THE GRIM MASTER OF HELL, THEREFORE IN CONTINUALLY PRAYING, THE MONK WOULD WRING HIS HANDS UNTIL THE NOISE IN THE SHRINE OF THE GODS OF THE HOUSE PROCLAIMED THAT THE GOD WAS NOW SATISFIED. EVEN NOW, THE WORD PEKLE, MEANING HELL, IS STILL KNOWN IN SOME

DISTRICTS OF VIDZEME. PĪKOLS ALWAYS ACCOMPANIED CRYING CHILDREN TO THE HOUSE OF SLEEP UNLESS SOME DEPUTY OF THE GERMAN ORDER HAD BEEN APPOINTED IN HIS PLACE. THE SECOND CLASS OF GODS, WHICH DID NOT HAVE ANY SPECIFIC ALTARS, WAS BIGGER. IT INCLUDED OKOPIRUNS, WHO WAS EXPERT IN THE PATHS OF THE HEAVENLY BODIES AND THE CHANGING OF THE SEASONS, BUT WAS NOT SPECIALLY HONOURED ANYWHERE; KURHO, WHO WAS DESIGNATED AS THE PROVIDER ESPECIALLY FOR THE HARVEST. EVERY YEAR, THEY SACRIFICED THE FIRST FIELD FRUIT IN HIS HONOUR AND THEN DESTROYED HIS STATUE AND BUILT A NEW ONE ON A HILL. THE MOST DISTINGUISHED IMAGE OF HIM WAS IN AN OAK TREE IN HEILIGENBEIL. THEY TURNED TO THIS GOD WITH PRAYERS FOR ASSISTANCE IN DEALING WITH THE GERMAN RAIDERS WHO BURNED THEIR FIELDS. THE PRAYERS WERE WRITTEN ON THE FLAG, WHICH I WROTE ABOUT EARLIER. IN POMERANIA TOO, HE WAS VENERATED JUST LIKE SVAIKSTIKS OR SVANTEVIT IN RETRA IN MECKLENBURG; A MORNING STAR, WHO LOOKED LIKE A MAN BUT HAD THE HEAD OF A LION. PERDOITIS WAS THE GOD OF THE WIND. HE STRODE ACROSS SEA AND LAND WHERE THE LOCKS OF HIS HAIR – THE CLOUDS – FLUTTERED AROUND THE PARTING OF HIS HAIR. WHICHEVER DIRECTION HE TURNED IN, THERE FLOWED HIS BREATH IN THE FORM OF A STORM. TO HIM AND GĀRDIETIS, THE GOD OF FISHING, THEY BROUGHT A FEAST TO THE SEA WHICH THEY SERVED ON FLAT STONES AND WHICH WAS COMPRISED

OF THEIR CATCH. PERGRŪBS, SPROUTER OF BUDS, WAS A SPRING GOD. HE TEMPTED LEAVES, FLOWERS AND CROPS OUT OF THEIR GERM AND IN SO DOING EARNED A GENERAL CELEBRATION EVERY SPRING. PUŠKAITIS, GOD OF THE EARTH, PREFERRED TO RESIDE UNDER LILAC BUSHES WHERE BEER AND FOOD WERE BROUGHT TO HIM AND WHERE HE WAS BESEECHED TO SEND BARSTUKUS, MAKROPETUS AND PILNVAITUS, WHO WERE THREE SPECIES OF HOUSE SPIRITS OR DWARVES, INTO HOMES AND BARNs WITH OPULENT GIFTS. LĪGO WAS THE GOD OF LOVE AND FRIENDSHIP, AND EVERY YEAR THE PEOPLE ORGANISED A MIDSUMMER'S NIGHT CELEBRATION IN HIS HONOUR. AUSKUTS OR AVSKUTIS, SHEARER OF EWES, WAS A HATEFUL AND EVIL SPIRIT WHO SPREAD DISEASES AND SUFFERING AMONG PEOPLE AND LIVESTOCK. WITH HIS KNOWLEDGE, WOOL DISAPPEARED FROM THE BACKS OF SHEEP AS A SIGN OF THE APPROACH OF THE PLAGUE. LAIMA'S MOTHER HELPED WOMEN GIVING BIRTH. UZIŅŠ, GOD OF THE BEES, HAS ALREADY BEEN EXPLAINED PREVIOUSLY. THERE ARE TOO MANY GODS IN THIS CLASS FOR US TO MENTION THEM ALL HERE. THEREFORE, I MOVE ONTO A THIRD CLASS, AT THE FOREFRONT OF WHICH STOOD VIDEVUTS HIMSELF BEARING THE NAME OF IŠVAMBROTAS OR THE VILLAGER, LANDLORD OF THE HOUSE. HE WAS THE ONLY ONE OF THESE FOR WHOM FORMAL SACRIFICES WERE MADE. GUARDING THE WHOLE FARM WAS STILL ENTRUSTED TO THIS FOUNDER OF LATVIAN AGRICULTURE FIVE HUNDRED YEARS LATER. IN SOME HOUSES A SPE-

CIAL SHRINE WAS INSTALLED FOR HIM WHERE HONEY AND MILK WERE PLACED BEFORE HIM. HOWEVER, THOUGHT WAS GIVEN TO HIM DURING FESTIVE MEALS EVERYWHERE. IN ADDITION, SPECIAL EDIBLE AND QUAF- FABLE SACRIFICES WERE BROUGHT TO HIM. FROM EVERY MUG OF ALE TO BE EMPTIED, A LITTLE WAS POURED OFF IN HONOUR OF HIM, WHILE FROM EVERY BOWL BROUGHT UP, SOME MORSELS WERE THROWN INTO THE CORNER. BUT MOST OF ALL HE WAS SERVED DURING THE SPRING AND LOG FESTIVAL, WHICH I WILL DESCRIBE LATER. ALSO BELONGING TO THIS CLASS WERE BARSTUK, MARKOPETS AND PILVAITS – SPIRITS WHO SLIPPED INTO THE ROOM WITH THE RAYS OF THE MOON, IN PAR- TICULAR VISITING THE SICK AND SLEEPLESS, APPROACH- ING THE BED WEARING A HEADSCARF AND LOOKING LIKE CHILDREN. THESE VISITS WERE PLEASANT, BE- CAUSE THEY BROUGHT ABUNDANCE INTO THE BARN AND CELLAR AND MULTIPLIED EVERYTHING MAGICALLY. ON SPECIAL NIGHTS, SMALL BOWLS OF FOOD WERE PLACED AT THE TOP OF ROOMS AND IN BREAD CHAMBERS AND THERE WAS JOY IF IT WAS DISCOVERED THAT FOOD HAD BEEN PARTAKEN, BECAUSE THIS CONSTITUTED A BLESS- ING. ANOTHER CLASS OF HOUSE GOD WAS SNAKES – A SPECIES OF ANIMAL, WHICH AMONG ALL REPTILES IS THE MOST TERRIBLE FOR HUMANS, BUT DESPITE THIS THEY HAVE OCCUPIED A SIGNIFICANT PLACE IN THE LEGENDS OF ALMOST ALL ANCIENT RELIGIONS. IN THEIR HOMES, LATVIANS FED A MEEK SPECIES OF SNAKES, FEEDING THEM WITH DEVOUT CARE AND LIVING IN SUCH

CLOSE PROXIMITY TO THEM THAT MANY TIMES CHILDREN WOULD EAT FROM THE SAME BOWL. IF ANY OF THEM WERE KILLED, THIS WAS CONSIDERED TO BE A GREAT CRIME, BECAUSE OF WHICH THE WHOLE FARM COULD BE DESTROYED. FOREST SNAKES WERE ALSO HONOURED; WOMEN IN PARTICULAR INSERTED BOWLS OF MILK INTO HOLLOW TREES FOR THEM AND PRAYED FOR THEIR HUSBANDS TO BE BLESSED WITH STRENGTH FOR THE JOYS OF MARRIAGE. BESIDES THESE, BLACK AND WHITE HORSES, STAGS, TOADS AND OTHER ANIMALS WERE CONSIDERED TO BE IN SOME WAY HOLY. ALSO HOLY WERE FORESTS, LAKES, STREAMS AND HILLS. EVERY YEAR, SACRIFICES WERE BROUGHT TO WHEREVER IT WAS POSSIBLE TO HUNT IN FORESTS THAT HAD NOT BEEN CLEARED, TO FISH IN WATERS AND TO PLOUGH FIELDS. EVEN NOW THESE PLACES ARE VISITED AND HONOURED IN SECRET. THE GRAVES OF ANCIENT FOREBEARS WERE PARTICULARLY HOLY AND SPECIAL CELEBRATIONS WERE ORGANISED FOR THEIR SOULS. ON A CERTAIN DAY IN WINTER, THE MAN OF THE HOUSE HEATED UP THE BEST ROOM IN HIS HOME, WHICH WAS OFTEN THE SAUNA, AND CLEANED IT BY HAND. AFTER SETTING THE TABLE, HE HEAPED IT WITH THE CHOICEST FOODS. HE THEN SENT ALL HIS FAMILY AWAY, STOOD IN THE DOOR WITH THE KINDLING, WHICH THEY USED INSTEAD OF CANDLES, AND INVITED THE SOULS OF ALL HIS DEAD KINFOLK TO BE SEATED AT THE TABLE, ADDRESSING THEM BY NAME AND SHOWING THEM THE KINDLED FLAME FOR SEVERAL HOURS. WHEN HE THOUGHT THAT HIS IN-

VISIBLE GUESTS HAD HAD THEIR FILL, HE CHOPPED UP HIS KINDLING ON THE THRESHOLD AND URGED THE SOULS TO RETURN HOME PEACEFULLY ALONG THE MAIN ROAD SO AS NOT TO TRAMPLE THE CROPS. AMIDST THE TRUE CELEBRATIONS, THE MOST NOTABLE WERE THOSE DEDICATED TO DEAR OLD PERGRŪBIS ALSO KNOWN AS THE BLOSSOM DRIVER. IT IS EASY TO GUESS WHY THIS CELEBRATION WAS HELD IN SPRING. AS SOON AS THE WEATHER IMPROVED AND THE HAZEL FLOWERS BLOSSOMED, THE HIGH PRIEST OR SUPREME SUPPLICANT CONVENED THE RESIDENTS OF THE DISTRICT. AFTER CEREMONIAL HYMNS HAD BEEN SUNG, TWO SLAUGHTERED LAMBS WERE PRESENTED BY YOUNG BEAUTIFULLY ATTIRED GIRLS AND BURNED USING FRUIT TREE BRANCHES, WHICH HAD NOT YET BORNE FRUIT. THIS WAS THE SYMBOL OF ALL HOPE. THE HIGH PRIEST EMPLOYED A MUG OF ALE, TOSSED IT BEHIND HIM AND PROCLAIMED, "MIGHTY PERGRŪB, LIVE FATHER! YOU FRIGHTEN AWAY WINTER, CAST YOUR BLESSINGS OVER THE EARTH SO THAT THE GRASS WILL GROW AND THE FLOWERS WILL GERMINATE! BLESS OUR FIELDS AND DESTROY THE WEEDS! BLESS THE FOREST AND GARDEN! MAY EVERY TWIGLET BECOME A BRANCH, SO THAT PEOPLE AND LIVESTOCK FIND SHADOW, EVERY BUD BECOMES A BLOSSOM, EVERY BLOSSOM BECOMES FRUIT, AND SO THAT PEOPLE, BEES AND BIRDS ARE FED AND, IN THEIR ENJOYMENT, YOU ARE EXTOLLED." THE CROWD WENT DEEPER INTO THE FOREST. A YOUNG BULL WAS BROUGHT TO AN ALTAR AND, ARMS ALOFT, THE PRIEST PRAYED,

“FATHER PĒRKUN, YOUR CHILDREN BRING THIS SACRIFICE TO THE ALTAR IN INNOCENCE! FATHER, BLESS THE PLOUGH AND THE SEEDS! MAY THE STRAW BE CROWNED WITH THE ROSY HUE OF COPPER LIKE CANE WITH LARGE SPIKES, HIGH CROWNS AND FULL OF REAL GRAIN.”

EL HOMBRE CREA A SU PROPIO DIOS, Y CON ELLO FORJA SU CARÁCTER. SUS DESCUBRIMIENTOS EN EL MUNDO INVISIBLE DETERMINAN LO QUE EL HOMBRE ES EN EL MUNDO VISIBLE. EL PRIMERO QUE PIENSA EN LA DEIDAD Y QUE CONSIGUE QUE EN EL PUEBLO SE ACEPTEN SUS IMAGINACIONES, LE IMPRIME AL PUEBLO UNA MARCA QUE NO SE BORRARÁ POR MUCHOS MILES DE AÑOS. ES CIERTO QUE EL ESPÍRITU DEL MUNDO INVENTADO, EN TODAS SUS CARACTERÍSTICAS, ES TAN SÓLO UN REFLEJO DE QUIEN LO HAYA INVENTADO, PERO BRILLA DESDE LOS CORAZONES DE TODOS SUS VENERADORES. COMO PARA LOS PREDICADORES DE LOS DESIERTOS ÁRABES EL DIOS BRAHMA ADQUIRIÓ EL CARÁCTER DE UN CAUDILLO DURO, VENGADOR Y ORGULLOSO, ASÍ LOS ISRAELÍES MISMOS, PARA ASEMSEJARSE AL IDEAL QUE LES FUE IMPUESTO, SE VOLVIERON SANGUINARIOS, INTRANSIGENTES, ARROGANTES, ENEMIGOS DE LA HUMANIDAD ENTERA. EL HIJO DE DIOS DIBUJÓ A SU PADRE DIVINO TAN AMADOR DE HOMBRES, TAN LLENO DE AMOR, TAN BONDADOSO Y PACIENTE, COMO ERA ÉL MISMO. Y ASÍ ERAN SUS SEGUIDORES DURANTE LOS PRIMEROS AÑOS DESPUÉS DE SU MUERTE. SI LA DEIDAD INVENTADA TIENE TANTA INFLUENCIA ENTRE LOS VENERADORES DE UN SOLO DIOS, ¿CÓMO NO HA DE PASAR LO MISMO ENTRE LOS VENERADORES DE MUCHOS DIOSES, CUYOS DIOSES SIEMPRE ESTÁN TAN CERCA! EN VANO SE DICE A LOS PRIMEROS: «¡DIOS ES UN ESPÍRITU OMNIPRESENTE!» BIEN NO PIENSAN NADA DE ELLO, O VEN A ESTE GRAN CONCEPTO CON UN

FRÍO ASOMBRO. LA OMNIPRESENCIA DE DIOS LE IMPI-
DE ESTAR PRESENTE PARA CADA PERSONA INDIVIDUAL-
MENTE. «SOY DEMASIADO INSIGNIFICANTE PARA QUE
ME PRESTE ESPECIAL ATENCIÓN UN SER QUE HABITA Y
GOBIERNA TANTO EN CHINA, COMO EN LA ESTRELLA
MÁS LEJANA, Y TAMBIÉN ENTRE NOSOTROS.» ASÍ, EN
SU CORAZÓN, Y QUIZÁS SIN DARSE DE ELLO CUENTA
SIQUIERA, RESISTE EL VENERADOR DE UN SOLO DIOS.
ESTA DEIDAD LE DEJA TAN FRÍO, TAN INDIFERENTE, QUE
AL FINAL COMIENZA A PREGUNTARSE: ACABA RIÉNDO-
SE DE SÍ MISMO POR LA FE QUE HABÍA TENIDO, O, DES-
PUÉS DE MUCHO REFLEXIONAR Y TANTEAR, LLEGA A
CREER EN UNA PROBABILIDAD INDIFERENTE QUE NUN-
CA, NI SIQUIERA POR UN MOMENTO, PODRÁ CALENTAR-
LE EL CORAZÓN. ES MUY DIFERENTE CON LOS VENERA-
DORES DE MUCHOS DIOSES. MIRADLE SALIENDO DE SU
CHOZA: AQUEL ÁRBOL QUE LE DA SOMBRA Y FRESCURA,
ES HOGAR DE ALGUNA DEIDAD FAVORABLE O ES UN LU-
GAR CONSAGRADO PARA ELLA. ESTE HOMBRE MIRA HA-
CIA ARRIBA, A TRAVÉS DEL TECHO DE HOJAS: EL SOL
BRILLA PARA ÉL PORQUE AL SOL LE GUSTA EL CAMINO
QUE HA TOMADO, O LA LLUVIA RIEGA SUS CAMPOS POR-
QUE SE HA GANADO EL FAVOR DEL SEÑOR DE LOS CIE-
LOS CON OFRENDAS O CON BUENAS OBRAS. CUANDO
UNO DE LOS DOS ACTÚA EN CONTRA DE ÉL, NO ES UNA
COINCIDENCIA, SINO UN CASTIGO POR LAS FALTAS QUE
HA COMETIDO Y QUE DEBE REPARAR. SU GANADO CRE-
CE PORQUE SU PATRÓN LE ES FAVORABLE. CUANDO
SUFRE, ES PORQUE LO HA ENFADADO. AGARRA SU LAN-

ZA PARA IR A CAZAR AL BOSQUE, PORQUE EL DIOS DEL HOGAR, QUE POR LA NOCHE HA VELADO POR ÉL Y POR SU CASA, LE HA INVITADO A UN AGRADECIMIENTO REVERENTE. ENTRA EN LA ARBOLEDA: LA BRISA DIVINA SUSURRA A TRAVÉS DE LAS COPAS DE LOS ÁRBOLES. SI LA CAZA ES EXITOSA, TENDRÁ QUE MOSTRAR SU AGRADECIMIENTO NUEVAMENTE, Y, EN HONOR DE ESE DIOS GUARDIÁN PRENDE FUEGO EN SU HOGAR, DONDE SE CALIENTA EL HUÉSPED; EN HONOR DE ESE DIOS PONE LA MESA, DONDE EL HUÉSPED COME. RESPETA LOS DERECHOS DE SU HUÉSPED CON EL RESPETO Y LA PROTECCIÓN QUE LE BRINDA EL DIOS GUARDIÁN. CUANDO VA POR MAR EN UNA BARCA AGITADA POR LAS OLAS, ALGÚN DIOS VA DELANTE DE ÉL, APACIGUANDO LAS AGUAS, MIENTRAS QUE OTRO DIOS LAS VA AGITANDO DE NUEVO, LEVANTANDO LAS OLAS MUY ALTAS Y AMENAZANDO CON HUNDIR LA BARCA EN LA TORMENTA. DEL PELIGRO NACE EL VALOR: EL NAVEGANTE SE ENFRENTA Y LUCHA, ALCANZA LA COSTA Y BAJA DE LA BARCA. ¡HAY ALGÚN DIOS QUE LE HA DEVUELTO LA VIDA! ¡QUÉ CONFIANZA Y QUÉ FUERZA SACARÁ DE ESTOS PENSAMIENTOS! SÍ, EL VENERADOR DE MUCHOS DIOSES PUEDE SER MENOS CUIDADO, MÁS CRUEL, MÁS DURO QUE EL VENERADOR DE UN SOLO DIOS, PERO TAMBIÉN SERÁ MÁS FIEL, MÁS HONRADO, MÁS FUERTE, MÁS VALIENTE Y MÁS VIRTUOSO. LA CERCANÍA DE SUS DIOSES, BAJO CUYOS OJOS CAMINA, LA CONTINUA UNIÓN QUE TIENE CON ELLOS, Y EL HECHO DE QUE SON ALCANZABLES, PUEDEN SER MOTIVO DE QUE LA SUPERSTICIÓN FRENA

SU EDUCACIÓN; PERO POR UN LADO GANA MÁS DILIGENCIA Y FUERZA QUE PIERDE POR EL OTRO. EN ESTE SENTIDO, CABE RECORDAR LAS PALABRAS DE SCHILLER: «CUANDO LOS DIOSES ERAN MÁS HUMANOS, LOS HUMANOS ERAN MÁS DIVINOS». LAS CREENCIAS DE LOS LETONES NO ERAN MUCHAS EN NÚMERO, NI ELABORADAS CON FINOS DETALLES. CREÍAN QUE TODO, DESDE EL TRUENO ARRIBA HASTA EL ESTIÉRCOL ABAJO, TENÍA SU DEIDAD PARTICULAR QUE HABÍA DE VENERAR. CREÍAN EN LA INMORTALIDAD DEL ALMA, AUNQUE NO QUERÍAN ESPECULAR NADA AL RESPECTO DE SU EXISTENCIA EN EL MÁS ALLÁ. PENSABAN: PARA GANAR EL FAVOR DE LOS DIOSES, HABÍA QUE HACER LO CORRECTO, Y, PARA ENCONTRAR QUÉ ERA LO CORRECTO, SE CONFIABAN EN LAS EMOCIONES, PORQUE ERA UN GUÍA MÁS SEGURO QUE LAS REFLEXIONES MÁS GRANDES DE LOS MORALISTAS. Y ESO ERA TODO EL CONTENIDO DE SU TEOLOGÍA. SUFICIENTE PARA UN PUEBLO QUE CONOCÍA SOLO RELACIONES Y NECESIDADES ARMONIOSAS. LOS LETONES PENSABAN QUE LAS DEIDADES ERAN DEMASIADO ELEVADAS COMO PARA ENCERRARLAS ENTRE CUATRO PAREDES. ADORABAN A AQUELLO DE CUYA EXISTENCIA Y PODER ENCONTRABAN TESTIMONIO: EL DIOS DEL TRUENO DEBAJO DE LOS ROBLES, QUE MUCHAS VECES FUERON QUEMADOS POR UN RAYO; EL DIOS DEL BOSQUE EN LAS ARBOLEDAS; EL DIOS DEL MAR EN LA COSTA; EL GUARDIÁN DEL SEMBRADO EN EL CAMPO DONDE ACABABAN DE RECOGER FRUTOS POR SU BENDICIÓN. CADA DUEÑO DE CASA ERA TAMBIÉN UN SACERDOTE.

ADEMÁS, PARA SUS DEIDADES MÁS ALTAS HABÍA CIERTOS LUGARES DONDE LES SERVÍAN, EN EL NOMBRE DEL PUEBLO ENTERO, UNOS SIRVIENTES ESPECIALES. TALES LUGARES HABÍA EN NADRAUENAS, EN ROMNOVE, EN MARIENBURG, EN HELIENBEIL Y CERCA DE VELAUIAS. EN EL PRIMER LUGAR CITADO HABÍA UN ROBLE, CUYO DIÁMETRO ERA DE DOCE PIES, Y, PROBABLEMENTE DEBIDO AL MUSGO Y A LAS PLANTAS ENREDADERAS, O QUIZÁS TAMBIÉN POR ARTE DE LOS SACERDOTES, MANTENÍA SU VERDOR TAMBIÉN EN EL INVIERNO. ESTABA CUBIERTO POR OCHO CAPAS DE MANTAS: DELIMITÁNDOSE DE ESTA MANERA LA PLAZA SAGRADA, MOJADA POR LA SANGRE DE LOS SACRIFICIOS Y OCULTA DE LOS OJOS DE LAS MASAS NO INICIADAS EN EL CULTO. ALLÍ NI SIQUIERA EL KRIV Y LOS VAIDELOTS MÁS RESPETADOS PODÍAN ENTRAR, SALVO CUANDO TENÍAN QUE CUMPLIR CON SUS DEBERES SAGRADOS. SOLO EN ALGUNAS NOCHES MUY SOLEMNES DE LUNA LLENA SE DESCENDÍA LA IMPERIOSA PARED QUE SEPARABA EL PUEBLO DE SUS DIOSES. LAS MANTAS SE SEPARARON, Y LAS MULTITUDES DESDE LEJOS CON RESPETO Y HORROR MIRABAN HACIA ARRIBA, A AQUELLOS QUE DIRIGÍAN SUS DESTINOS, COMO SI FUERAN DE OTRO MUNDO. EN EL ALTO, ENTRE TRES GRANDES RAMAS DEL ROBLE QUE EN LA PARTE BAJA SE IBAN SEPARANDO UNA DE LA OTRA Y MÁS ARRIBA VOLVÍAN A ACERCARSE, BRILLABAN LOS BUSTOS DE PĒRKUNS, POTRIMPS Y PĪKOLS. A SUS PIES APARECÍAN SUS SÍMBOLOS SAGRADOS, Y ENTRE ELLOS UN KRIV ORABA, TUMBADO CON LA MEJILLA

APOYADA EN EL SUELO. LOS VAIDELOTS, FORMANDO LARGAS HILERAS, CANTABAN LENTAS Y SOLEMNES CANCIONES DE ELOGIO. EN SU CAMINO HACIA ARRIBA, LAS LLAMAS PROCEDENTES DE LAS OFRENDAS QUEMADAS, CON SUS NUBES DE HUMO EXTENDÍAN SOBRE LAS NOBLES MULTITUDES UNA LUZ MARAVILLOSA Y CAMBIANTE, QUE SE ALTERNABA CON LA OSCURIDAD. PĒRKUNS, EL DIOS DEL TRUENO, CUYO NOMBRE SE HA MANTENIDO ENTRE LOS LETONES HASTA HOY EN DÍA, ERA REPRESENTADO COMO UN HOMBRE DE MEDIANA EDAD, CON LA CARA ENFADADA Y AMENAZADORA. SU CABEZA ESTABA ENVUELTA EN UNA CORONA DE LLAMAS, Y UNA BARBA NEGRA DESGREÑADA COLGABA SOBRE SU PECHO. TENÍA PODER SOBRE EL TIEMPO, Y ERA SEÑOR DE LOS DEMÁS DIOSES. TENÍA UNOS ROBLES SAGRADOS ESPECIALES, Y EL FUEGO ETERNO ARDÍA EN UN CÍRCULO SAGRADO, QUEMÁNDOSE LA LEÑA DE ESTOS ROBLES EN SU HONOR. EL ESTRUENDO DEL TRUENO ERA COMO ESTE DIOS HABLABA. «EL VIEJO PADRE ESTÁ REGAÑANDO,» – DICEN LOS LETONES HASTA HOY EN DÍA, CUANDO OYEN EL TRUENO. COMO SU MANERA DE PENSAR ERA BASTANTE DESARROLLADA, SOLÍAN DECIR: «LE ESTÁ HABLANDO AL KRIV.» ENTONCES LOS DUEÑOS SALÍAN FUERA DE SUS CASAS CARGADOS CON RECIPIENTES LLENOS DE CARNE FRESCA Y, ORANDO SILENCIOSAMENTE POR PIEDAD, RECORRÍAN DE ESTA MANERA LAS FRONTERAS DE SUS PROPIEDADES. CUANDO LA TORMENTA HABÍA TERMINADO SIN HABER CAUSADO DAÑO ALGUNO, ELLOS CON SUS FAMILIAS DISFRUTABAN

ALEGREMENTE DEL DON SANTIFICADO. A LA DERECHA DE PĒRKUNS ESTABA POTRIMPS, REPRESENTADO COMO UN JOVEN ALEGRE Y SONRIENTE, CON LA CABEZA CUBIERTA CON UNA CORONA DE ESPIGAS. QUIZÁS ERA EL DIOS DEL SOL Y DABA FERTILIDAD A LOS CAMPOS. SUS LUGARES SAGRADOS ERAN PEQUEÑOS MONTÍCULOS, DEBAJO DE LOS CUALES SE PONÍA UN CUENCO CON LECHE PARA ALIMENTAR A SERPIENTES LENTAS, COMO GARANTÍA DE LA PROSPERIDAD DE LA CASA. LOS MONJES CRISTIANOS ACUSABAN A ESTE DIOS BENÉVOLO DE QUE EXIGÍA SACRIFICIOS DE NIÑOS. LOS REGALOS HABITUALES PARA ESTE DIOS ERAN INCIENSOS Y CERA. LOS SACERDOTES SE PREPARABAN PARA SU FIESTA AYUNANDO DURANTE TRES DÍAS, TUMBADOS EN LA TIERRA. QUIZÁS QUERÍAN, POR MEDIO DE LA SENSACIÓN DE ESCASEZ, ENCENDERSE EN MAYOR GRATITUD HACIA EL DADOR DE LA PROSPERIDAD, O QUIZÁS SU ESTADO DEBÍA REFLEJAR LA MISERIA EN LA QUE SE ENCONTRARÍA LA GENTE SIN LA BENEVOLENCIA DE ESTE DIOS. EN EL TRONO DE AL LADO IZQUIERDA DEL «TRONADOR Y LANZADOR» ESTABA SENTADO PĪKOLS, A QUIEN ESTABA DIRIGIDA LA MIRADA ENFADADA DEL DIOS SUPREMO. TENÍA EL ASPECTO DE UN ANCIANO PÁLIDO CON LA CARA MANCHADA DE SANGRE, CON LA BARBA LARGA Y CANOSA, Y LLEVABA UN BLANCO SUDARIO DE MUERTE ALREDEDOR DE SU CABEZA: ÉL, EL DIOS DEL MUNDO SUBTERRÁNEO, NO PEDÍA EL AMOR, SINO EL TEMBLOR DE TODOS LOS VIVIENTES. SU SÍMBOLO ERAN LAS CALAVERAS CLAVADAS EN PALOS ENFRENTA DE ÉL, Y SU

OFRENDA HABITUALMENTE ERA GRASA, QUE SE QUEMABA EN UNA OLLA. ANTES DE COMENZAR UNA GUERRA, SE LE SACRIFICABA PARA ÉL A UN HOMBRE DEL PUEBLO ENEMIGO, Y EL GOTEO O EL CHOREO DE LA SANGRE DESDE EL PECHO ATRAVESADO DE LA VÍCTIMA AUGURABA LA DERROTA O LA VICTORIA. DESPUÉS DE UNA BATALLA, EN HONOR DE ESTE DIOS SE ESTRANGULABAN A LOS CAUTIVOS MÁS DESTACADOS. UNA VEZ, UN CRUZADO CABALLERO TUVO ESTA SUERTE EN PRUSIA. CON EL ARMAMENTO DE GUERRA PUESTO, LO ATARON A UN CABALLO, ATARON SUS PIES A CUATRO PALOS CLAVADOS EN LA TIERRA, LEVANTARON UNA HOGUERA ALREDEDOR DE ÉL, Y LA PRENDIERON. MÁS TARDE, DE LA MISMA FORMA SACRIFICARON TAMBIÉN A HIRCHALZ, UN CIUDADANO DE MAGDEBURGO. ALGUNAS VECES SE CONTENTABAN CON SACRIFICAR PARA ESTE DIOS A CABALLOS BLANCOS, ANTES HACIÉNDOLES CORRER HASTA QUE CAÍAN AL SUELO AGOTADOS Y MEDIO MUERTOS. A PĪKOLS SE LE DESTINABAN LAS OFRENDAS QUE SE HACÍAN CON OCASIÓN AL ENTIERRO DE ALGÚN MUERTO. PĪKOLS SE ENCARGABA TAMBIÉN DE QUE LOS SACERDOTES RECIBIERAN LO QUE LES CORRESPONDÍA. SI, AL REPARTIR UN HERENCIA, HABÍAN SIDO OLVIDADOS O HABÍAN RECIBIDO POCOS OBSEQUIOS, POR LA NOCHE HACÍA RUIDOS EN LA CASA Y EN LOS GRANEROS, OBLIGANDO ASÍ A LOS HEREDEROS A REPARAR SU FALTA Y A CONSEGUIR CON REGALOS A ALGÚN VAIDELOT DE SU PARTE. ENTONCES, SOLO CON SANGRE SE PODÍA CONTENTAR AL TENEBROSO SEÑOR DEL INFIERNO, POR ESO

EL MONJE, ORANDO SIN CESAR, SE LASTIMABA LOS BRAZOS HASTA QUE UN RUIDO EN EL SANTUARIO DE LOS DIOSES DE LA CASA ADVERTÍA QUE EL DIOS SE HABÍA CONTENTADO. INCLUSO HOY EN DÍA, EN ALGUNAS REGIONES DE VIDZEME SE CONOCE LA PALABRA PEKLE, QUE SIGNIFICA INFIERNO. ASIMISMO, ES PĪKOLS QUIEN SIGUE LLEVANDO A LOS NIÑOS QUE LLORAN A LA TIERRA DEL DORMIR, SI ES QUE NO LO HAN SUSTITUIDO POR ALGUIEN DE PROCEDENCIA ALEMANA. LA SEGUNDA CLASE DE DIOSES, QUE NO TENÍAN ALTARES CONCRETOS, ERA MÁS NUMEROSA. A ELLA PERTENECÍA OKOPIRUNS, QUE SUPERVISABA LOS CAMINOS DE LOS CUERPOS CELESTES Y LAS TRANSICIONES DE LAS ESTACIONES DEL AÑO, PERO A QUIEN NO SE LE VENERABA EN NINGÚN SITIO EN ESPECIAL. KURHO, A QUIEN SE HABÍAN ENCARGADO ESPECIALMENTE DE LA SIEGA. CADA AÑO LE HACÍAN OFRENDAS DE LOS PRIMEROS FRUTOS DEL CAMPO, DESPUÉS ROMPÍAN SU IMAGEN Y LE HACÍAN UNA NUEVA EN ALGUNA COLINA. SU IMAGEN MÁS DESTACADA SE ENCONTRABA EN UN ROBLE EN HEILIGENBEIL. A ESTE DIOS SE DIRIGÍAN CON ORACIONES Y PETICIONES DE AYUDA CONTRA LOS SAQUEADORES ALEMANES QUE QUEMABAN SUS CAMPOS. LAS ORACIONES ESTABAN ESCRITAS SOBRE LA BANDERA QUE YA HE MENCIONADO ANTES. TAMBIÉN EN POMERANIA FUE VENERADO DE MANERA SIMILAR COMO A SVAIKSTIKSS O SVANTEVITS, AUSEKLIS, EN RETHRA DE MECLENBURGO, REPRESENTADO COMO UN HOMBRE CON LA CABEZA DE LEÓN. PERDOITIS ERA EL DIOS DEL VIENTO. IBA POR

EL MAR Y POR LA TIERRA, Y LOS RIZOS DE SU PELO, LAS NUBES, SE AGITABAN ALREDEDOR DE LA RAYA DEL PELO. HACIA DONDE GIRABA, ALLÍ FLUÍA SU ALIENTO, LA TORMENTA. PARA ÉL Y PARA GĀRDIETIS, EL DIOS DE LA PESCA, LLEVABAN A LA COSTA Y PONÍAN SOBRE PIEDRAS APLANADAS COMIDA HECHA DE LO QUE HABÍAN PESCADO. PERGRŪBS, EL GERMINADOR DE BROTES, ERA EL DIOS DE LA PRIMAVERA. CONSEGUÍA QUE LAS HOJAS, FLORES Y CEREALES SALIERAN DE LOS BROTES, Y CON ESO MERECEÍA UNA FIESTA GENERAL CADA PRIMAVERA. PUŠKAITIS, EL DIOS DE LA TIERRA, PREFERÍA HABITAR DEBAJO DE ARBUSTOS FRONDOSOS DE LILA, DONDE LE LLEVABAN CERVEZA Y COMIDAS, PIDIÉNDOLE QUE ENVIARA A BARSTUKS, MARKOPETS Y PILVAITS, TRES ESPECIES DE DUENDES O GNOMOS CASEROS, CON ABUNDANTES REGALOS A LAS CASAS Y LOS ALMACENES. LĪGO ERA EL DIOS DEL AMOR Y DE LA AMISTAD, Y CADA AÑO, A MEDIADOS DEL VERANO, EL PUEBLO CELEBRABA UNA NOCHE DE FIESTA EN SU HONOR. AUSKUTS O AVSKUTIS, EL ESQUILADOR DE OVEJAS, ERA UN ESPÍRITU HOSTIL Y MALVADO, QUE PROPAGABA ENFERMEDADES Y SUFRIMIENTOS ENTRE LA GENTE Y LOS ANIMALES DOMÉSTICOS. ERA EL RESPONSABLE SI LAS OVEJAS HABÍAN PERDIDO LANA, PRESAGIANDO LA PESTE. LA MADRE LAIMA AYUDABA A LAS MUJERES A PARIR. UZIŅŠ, EL DIOS DE LAS ABEJAS, YA FUE DESCRITO ANTERIORMENTE. LOS DIOSES DE ESTA CLASE SON DEMASIADO NUMEROSOS PARA QUE PUEDA MENCIONARLOS TODOS. POR ESO SIGO CON LA TERCERA CLASE, ENCA-

BEZADA POR EL PROPIO VIDEVUT, LLAMADO IŠVAMBROTAS O ALDEANO, DUEÑO DE LA CASA. ERA EL ÚNICO DE ESTA CLASE, AL QUE LE HACÍAN OFRENDAS SOLEMNES. TODAVÍA DURANTE QUINIENTOS AÑOS LE CONFIABAN A ESTE FUNDADOR DE LA AGRICULTURA LETONA A PROTEGER TODA LA GRANJA. EN ALGUNAS CASAS TENIA SU PROPIO SANTUARIO DONDE SE LE PONÍAN MIEL Y LECHE. PERO EN TODAS PARTES SE ACORDABAN DE ÉL EN LAS COMIDAS FESTIVAS. LE LLEVABAN OFRENDAS COMESTIBLES Y POTABLES ESPECIALES; DE CADA JARRA DE CERVEZA RETIRABAN UN POCO EN SU HONOR, Y DE CADA CUENCO QUE ENTRABA, ALGUNOS BOCADOS SE ARROJABAN EN EL RINCÓN. PERO CUANDO MÁS SE LE SERVÍA, ERA DURANTE LAS FIESTAS DE PRIMAVERA Y DE ARRASTRE DE TRONCO, QUE VOY A DESCRIBIR DESPUÉS. A ESTA MISMA CLASE DE DIOSES PERTENECÍAN TAMBIÉN LOS BARSTUKS, MARKOPETS Y PILVAITS, ESPÍRITUS QUE CON LOS RAYOS DE LA LUNA PENETRABAN EN LA HABITACIÓN, VISITANDO ESPECIALMENTE A LOS ENFERMOS Y A LOS INSOMNIOSOS, Y, BAJO LA APARIENCIA DE NIÑOS ENVUELTOS EN MANTONES, SE ACERCABAN A LA CAMA. SUS VISITAS ERAN AGRADABLES, PORQUE TRAÍAN LA PROSPERIDAD AL GRANERO Y AL SÓTANO, Y LO MULTIPLICABAN TODO MILAGROSAMENTE. EN ALGUNAS NOCHES ESPECIALES SE LES COLOCABAN PEQUEÑOS CUENCOS CON COMIDA EN LAS PARTES SUPERIORES DE LOS CUARTOS Y EN LAS DESPENSAS DEL PAN, Y SE ALEGRABAN SI VEÍAN QUE ALGUIEN HABÍA COMIDO, PORQUE SIGNIFICABA BENDICIÓN. OTRO TIPO

DE DIOSES CASEROS ERAN LAS SERPIENTES, LOS ANIMALES QUE ENTRE LOS REPTILES SON LOS MÁS REPU- DIADOS POR LA GENTE, Y QUE, SIN EMBARGO, OCUPAN UN LUGAR IMPORTANTE EN CASI TODAS LAS NARRACIONES SOBRE LAS CREENCIAS ANTIGUAS. LOS LETONES ALIMENTABAN EN SUS CASAS SERPIENTES DE ALGUNA ESPECIE LENTA, CUIDÁNDOLAS CON UN ESMERO SAGRADO Y CONVIVIENDO CON ELLAS TAN DE CERCA, QUE MUCHAS VECES LOS NIÑOS COMÍAN DEL MISMO RECIPIENTE QUE ELLAS. CONSIDERABAN QUE MATAR A ALGUNA DE ESTAS SERPIENTES ERA UN DELITO GRANDE, A CAUSA DEL CUAL SE PODRÍA IR A LA RUINA TODA LA GRANJA. LAS SERPIENTES DEL BOSQUE TAMBIÉN ERAN VENERADAS, SOBRE TODO LAS MUJERES SOLÍAN COLOCAR PARA ELLAS CUENCOS CON LECHE EN ÁRBOLES HUECOS Y PEDIR QUE LES CONCEDIERAN A SUS MARI- DOS FUERZAS PARA LOS PLACERES MATRIMONIALES. ADEMÁS DE LAS DIVINIDADES DESCRITAS, SE CONSI- DERABAN COMO SAGRADOS DE TODO TIPO A LOS CA- BALLOS BLANCOS Y NEGROS, LOS CIERVOS, LOS SAPOS Y OTROS ANIMALES. TAMBIÉN LOS BOSQUES, LOS LA- GOS, LOS RÍOS Y LOS MONTES ERAN SAGRADOS. DON- DE SE PUDIERA CAZAREN LOS BOSQUES NO TALADOS, PESCAR EN LAS AGUAS Y ARAR EN LOS CAMPOS, ALLÍ HACÍAN OFRENDAS CADA AÑO, Y TODAVÍA HOY EN DÍA ESTOS LUGARES SON VISITADOS Y ADORADOS EN SE- CRETO. ESPECIALMENTE SAGRADAS ERAN LAS TUMBAS DE LOS ANTEPASADOS, Y SE CELEBRABA UNA FIESTA DEDICADA A SUS ALMAS.

ЛЮДИ СОЗДАЮТ СЕБЕ БОГА, А ОН ПОТОМ СОЗДАЕТ ИМ ХАРАКТЕР. ИХ ОТКРЫТИЯ В МИРЕ НЕВИДИМОМ ОПРЕДЕЛЯЮТ, КТО ОНИ В МИРЕ ВИДИМОМ. У КОГО ПЕРВЫМ ПОЯВЛЯЕТСЯ ИДЕЯ О БОЖЕСТВЕ, И КТО ПРИХОДИТ К ТОМУ, ЧТОБЫ ДОВЕСТИ ЭТО ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДО СВОЕГО НАРОДА, ТОТ НАКЛАДЫВАЕТ НА НЕГО ОТПЕЧАТОК, КОТОРЫЙ ЗАЧАСТУЮ НЕ СТИРАЮТ ТЫСЯЧЕЛЕТΙΑ. ИСТИННО, ЧТО ПРИДУМАННЫЙ ДУХ МИРОЗДАНЬЯ ВО ВСЕХ СВОЙСТВАХ – ЛИШЬ ОТПЕЧАТОК ТОГО, КТО ЕГО ПРИДУМАЛ, НО ОН ОТРАЖАЕТСЯ ОТ СЕРДЕЦ ВСЕХ ЕГО ПОЧИТАТЕЛЕЙ. КАК БОГ АВРААМ ПОЛУЧИЛ ТВЕРДЫЙ, МСТИТЕЛЬНЫЙ, ГОРДЫЙ ХАРАКТЕР ВОИНА, ПРОВОЗГЛАСИВШЕГО ЕГО В АРАВИЙСКИХ ПУСТЫНЯХ, ТАК И САМИ ИЗРАЕЛИТЫ, ЧТОБЫ ПОХОДИТЬ НА НАВЯЗАННЫЙ ИМ ИДЕАЛ, СТАЛИ КРОВОЖАДНЫМИ, НЕУДЕРЖИМЫМИ, ВЫСОКОМЕРНЫМИ, ВРАГАМИ ВСЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РОДА. СЫН ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ МЫСЛИЛ СВОЕГО НЕБЕСНОГО ОТЦА ТАКИМ ЛЮБЯЩИМ ЛЮДЕЙ, ПОЛНЫМ ЛЮБВИ, ДОБРЫМ И ТЕРПЕЛИВЫМ, КАКИМ БЫЛ ОН САМ, И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛЕ СМЕРТИ ЕГО БЫЛИ ТАКИМИ ЖЕ. ЕСЛИ ИДЕЯ БОЖЕСТВА ИМЕЕТ ТАКОЕ БОЛЬШОЕ ВЛИЯНИЕ НА МОНОТЕИСТОВ, КАК ЖЕ ДОЛЖНА ОНА ВЛИЯТЬ НА ПОЛИТЕИСТОВ, К КОТОРЫМ ИХ БОГИ ВСЕГДА ТАК БЛИЗКИ! НАПРАСНО ГОВОРИТЬ ПЕРВОМУ: «БОГ ЕСТЬ ВСЮДУ ПРИСУТСТВУЮЩИЙ ДУХ». ЛИБО НИЧЕГО НЕ ПОЙМЕТ ОН ПОД ЭТИМ, ЛИБО БУДЕТ РАССМАТРИВАТЬ ЭТУ ВЕЛИКУЮ ИДЕЮ С БОЛЬШИМ ИЗУМЛЕНИЕМ. ВСЕОБЩНОСТЬ ПРИСУТСТВИЯ БОГА МЕШАЕТ ЕГО ОТНОШЕНИЯМ С КАЖДЫМ ПО ОТДЕЛЬНОСТИ.

«ДЛЯ СУЩЕСТВА, КОТОРОЕ ТАКЖЕ ЗНАЧИМО В КИТАЕ, НА САМЫХ ДАЛЬНИХ ЗВЕЗДАХ, КАК И У НАС, Я СЛИШКОМ НИЧТОЖЕН, ЧТОБЫ ОНО ЗАНИМАЛОСЬ МНОЙ ОТДЕЛЬНО». ТАК, В СВОЕМ СЕРДЦЕ, ЧУВСТВУЕТ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬ ОДНОГО БОГА, ВОЗМОЖНО САМ НЕ ОСОЗНАВАЯ ТОГО. ЕГО БОЖЕСТВО ОСТАВЛЯЕТ ЕГО ТАКИМ ХОЛОДНЫМ, ТАКИМ РАВНОДУШНЫМ, ЧТО, В КОНЦЕ КОНЦОВ, ОН ЗАДАЕТСЯ ВОПРОСОМ – А ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ ЕСТЬ ТАКОЕ СУЩЕСТВО? ОН ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ ЛИБО НА ТОМ, ЧТО ПРЕЗИРАЕТ СЕБЯ ЗА ТО, ЧТО ВООБЩЕ МОГ ВЕРИТЬ, ЛИБО ЖЕ ИМ, ПОСЛЕ ДОЛГИХ РАЗМЫШЛЕНИЙ И СБЛИЖЕНИЙ, ОВЛАДЕВАЕТ ЛИШЬ РАВНОДУШНАЯ ВЕРОЯТНОСТЬ, КОТОРАЯ НИКОГДА, НИ НА ОДНО МГНОВЕНЬЕ, НЕ СМОЖЕТ СОГРЕТЬ ЕГО СЕРДЦЕ. СОВСЕМ ПО-ДРУГОМУ ЭТО С ПОЛИТЕИСТАМИ! ВОТ ОН ВЫХОДИТ ИЗ СВОЕЙ ХИЖИНЫ: ТО ДЕРЕВО, КОТОРОЕ ОТБРАСЫВАЕТ ТЕНЬ И ДАЕТ ЕМУ ПРОХЛАДУ, ЯВЛЯЕТСЯ ОБИТЕЛЬЮ КАКОГО-НИБУДЬ БОЖЕСТВА, ИЛИ ЖЕ ПОСВЯЩЕНО ЕМУ. ОН СМОТРИТ СКВОЗЬ ЛИСТВЕННУЮ КРОНУ НАВЕРХ: СОЛНЦЕ СВЕТИТ ЕМУ ЛИШЬ ПОТОМУ, ЧТО СОЛНЦУ НРАВИТСЯ ЕГО ХОД ЖИЗНИ, ИЛИ ЖЕ ДОЖДЬ ПОИТ ЕГО ПОСЕВЫ ОТТОГО, ЧТО ПРИ ПОМОЩИ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ ИЛИ ДОБРЫХ ДЕЛ ЗАСЛУЖИЛ ОН РАСПОЛОЖЕНИЕ ПОВЕЛИТЕЛЯ ВОЗДУХА. А ЕСЛИ КТО ИЗ НИХ ПРИНОСИТ ЕМУ ЗЛО, ТО ЭТО НЕ СЛУЧАЙНОСТЬ, А НАКАЗАНИЕ ЗА ПРОСТУПКИ ЕГО, КОТОРЫЕ ДОЛЖЕН ОН ЗАГЛАДИТЬ. ЕГО СТАДО РАСТЕТ ПОТОМУ, ЧТО ЕГО ЗАСТУПНИК БЛАГОВОЛИТ ЕМУ; А ЕСЛИ ГИБНЕТ – ТО ПОТОМУ, ЧТО ОН ЕГО РАЗО-

ЗЛИЛ. ОН БЕРЕТ СВОЕ КОПЬЕ, ЧТОБЫ ОХОТИТЬСЯ В ЛЕСУ, НЕ БЕЗ ТОГО, ЧТОБЫ БЫТЬ ПРИЗВАННЫМ К БОГОБОЯЗНЕННОЙ БЛАГОДАРНОСТИ СОСЕДСТВОМ ДОМАШНЕГО БОЖЕСТВА, КОТОРОЕ ЗАЩИЩАЛО НОЧЬЮ ЕГО И ЕГО ХОЗЯЙСТВО. ОН ЗАХОДИТ В РОЩУ: ДУНОВЕНИЕ БОЖЕСТВА ШЕЛЕСТИТ СКВОЗЬ ВЕРХУШКИ ДЕРЕВЬЕВ. ЕСЛИ ОХОТА УДАЧНА, ОН СНОВА ДОЛЖЕН ВЫРАЗИТЬ БЛАГОДАРНОСТЬ, И КАК МОГ БЫ ОН СДЕЛАТЬ ЭТО ЕЩЕ БОЛЕЕ ДЕЙСТВЕННО, ЕСЛИ НЕ ГОСТЕПРИИМСТВОМ К НЕЗНАКОМЦУ, КОТОРОГО СЕЙЧАС ПРИВЕЛО К НЕМУ В ХИЖИНУ ОХРАННОЕ БОЖЕСТВО? В ЧЕСТЬ ЭТОГО ОХРАННОГО БОЖЕСТВА РАЗЖИГАЕТ ОН В ДОМЕ ОГОНЬ, У КОТОРОГО ГОСТЬ СОГРЕВАЕТСЯ; ДЛЯ НЕГО НАКРЫВАЕТ ОН НА СТОЛ, У КОТОРОГО ГОСТЬ НАСЫЩАЕТСЯ; ЕГО ПРАВА ПОЧИТАЕТ ОН С УВАЖЕНИЕМ И ЗАБОТОЙ, КОТОРЫМИ ОКРУЖАЕТ ГОСТЯ. ОН ЕДЕТ ПО МОРЮ В КАЧАЮЩЕЙСЯ ЛОДОЧКЕ: ОДНО БОЖЕСТВО ВЫРАВНИВАЕТ ПЕРЕД НИМ ВОДЫ, ДРУГОЕ БОЖЕСТВО СНОВА ПОДНИМАЕТ ИХ ВЫСОКО И ПЕРЕКАТЫВАЕТ В БУРЕ ВОЛНЫ, И УГРОЖАЕТ ЛОДКЕ ПОГИБЕЛЬЮ. В УЖАСЕ РОЖДАЕТСЯ ХРАБРОСТЬ: МОРЕПЛАВАТЕЛЬ ПРОТИВИТСЯ И БОРЕТСЯ, ОН ДОСТИГАЕТ БЕРЕГА, ОН ВЫПРЫГИВАЕТ НА БЕРЕГ – ЕСТЬ ТАКОЙ БОГ, У КОТОРОГО ОН ОТЫГРАЛ СВОЮ ЖИЗНЬ! КАКУЮ УВЕРЕННОСТЬ В СЕБЕ, КАКОЕ МУЖЕСТВО ДАЕТ ЕМУ ЭТО ПРЕДСТАВЛЕНИЕ! ДА, ПОЛИТЕИСТ МОЖЕТ БЫТЬ ГРУБЕЕ, БЕЗЖАЛОСТНЕЕ, БЕСЧУВСТВЕННОЕ МОНОТЕИСТА, НО ОН И БОЛЕЕ ДОСТОИН ДОВЕРИЯ, ЧЕСТНЕЕ, СИЛЬНЕЕ, ОТВАЖНЕЕ, ДОБРОДЕТЕЛЬНЕЕ ЕГО. БЛИЗОСТЬ ЕГО БО-

ЖЕСТВ, ПЕРЕД ГЛАЗАМИ КОТОРЫХ ОН ХОДИТ, БЕСКО-
НЕЧНОЕ ЕДИНЕНИЕ, В КОТОРОМ ОН С НИМИ СОСТОИТ,
ИХ ДОСТИЖИМОСТЬ, МОГУТ СТАТЬ ПРИЧИНОЙ ТОГО,
ЧТО СУЕВЕРИЕ ПРЕПЯТСТВУЕТ РАЗВИТИЮ ЕГО ЗНАНИЙ,
НО ОН ВЫИГРЫВАЕТ В ЭНЕРГИИ И СИЛЕ ВДВОЙНЕ БОЛЬ-
ШЕ, ЧЕМ ТЕРЯЕТ С ДРУГОЙ СТОРОНЫ. И В СВЯЗИ С
ЭТИМ НАДО ВСПОМНИТЬ СКАЗАННОЕ ШИЛЛЕРОМ: «КОГ-
ДА ЧЕЛОВЕЧНЕЙ БЫЛИ БОГИ, БОЖЕСТВЕННЕЕ БЫЛИ
ЛЮДИ». ПОНЯТИЯ ВЕРОВАНИЯ ЛАТЫШЕЙ НЕ БЫЛИ НИ
МНОГОЧИСЛЕННЫ, НИ ХИТРОУМНЫ. ОНИ ВЕРИЛИ, ЧТО
У ВСЕГО – ОТ МОЛНИИ И ДО КУЧИ МУСОРА – ЕСТЬ СВОЕ
ОСОБОЕ БОЖЕСТВО, КОТОРОЕ НАДО ПОЧИТАТЬ. ОНИ
ВЕРИЛИ В БЕССМЕРТИЕ ДУШИ, НЕ ЖЕЛАЯ НИКАК ОПРЕ-
ДЕЛЯТЬ ЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ В БУДУЩЕМ. ОНИ ВЕРИЛИ -
ЧТОБЫ ПОНРАВИТЬСЯ БОЖЕСТВАМ, НАДО ПОСТУПАТЬ
ПО СПРАВЕДЛИВОСТИ, А ПРИ ПОИСКЕ СПРАВЕДЛИВО-
СТИ ПОЛАГАЛИСЬ НА СВОИ ЧУВСТВА - ПРОВОДНИКОВ
БОЛЕЕ НАДЕЖНЫХ, ЧЕМ БОЛЬШИЕ РАЗДУМЬЯ МОРА-
ЛИСТОВ. ЭТО И ЯВЛЯЛО ВСЕ СОДЕРЖАНИЕ ИХ ТЕО-
ЛОГИИ, ДОСТАТОЧНОЕ ДЛЯ НАРОДА, КОТОРЫЙ НЕ ЗНАЛ
ДРУГИХ ОТНОШЕНИЙ И ПОТРЕБНОСТЕЙ, КРОМЕ ОБЩЕ-
СТВЕННЫХ. ПО МНЕНИЮ ЛАТЫШЕЙ, БОЖЕСТВО БЫЛО
СЛИШКОМ ВОЗВЫШЕННЫМ, ЧТОБЫ ЗАПЕРЕТЬ ЕГО В
ЧЕТЫРЕХ СТЕНАХ. ОНИ ЧЕСТВОВАЛИ ЕГО ТАМ, ГДЕ
НАХОДИЛИ СВИДЕТЕЛЬСТВА ЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ И
ВЛАСТИ: БОГА МОЛНИЙ ПОД ДУБАМИ, В КОТОРЫЕ ЧА-
СТО ПОПАДАЛА МОЛНИЯ; БОГА ЛЕСА В РОЩАХ; БОГА
МОРЯ НА БЕРЕГУ; ХРАНИТЕЛЯ ПОЛЕЙ В ПОЛЯХ, С КО-
ТОРЫХ ТОЛЬКО ЧТО СОБРАЛИ ЕГО БЛАГОСЛОВЕНИЕ.

КАЖДЫЙ ХРАНИТЕЛЬ ОЧАГА ЯВЛЯЛСЯ ТАКЖЕ И ЖРЕЦОМ. ТОЛЬКО ИХ ВЫСШИЕ БОЖЕСТВА ИМЕЛИ ЕЩЕ ОТДЕЛЬНЫЕ МЕСТА, ГДЕ ИМ СЛУЖИЛИ ОТ ИМЕНИ ВСЕГО НАРОДА ОСОБЫЕ ПРИСЛУЖНИКИ. ТАКИЕ МЕСТА БЫЛИ В РОМНОВЕ НАДРАУЙЕНЫ, МАРИЕНБУРГЕ, ХАЙЛИГЕНБЕЙЛЕ И У ВЕЛАВЫ. НА ПЕРВОМ ИЗ МЕСТ СТОЯЛ ДУБ, ОБХВАТ КОТОРОГО БЫЛ 12 ФУТОВ, А МОХ И ЗЕЛЕННЫЕ ВЬЮНКИ, А, МОЖЕТ БЫТЬ, И ИСКУССТВО ЖРЕЦА, СОХРАНЯЛИ ЕГО ЗЕЛЕНЫМ ДАЖЕ ЗИМОЙ. НА РАССТОЯНИИ ВОКРУГ НЕГО БЫЛИ РАЗЛОЖЕНЫ ВОСЕМЬ СЛОЕВ КОВРОВ: ТАК ОБРАЗОВЫВАЛОСЬ СВЯТОЕ МЕСТО, КОТОРОЕ БОЛЬШЕ ВСЕГО ОРОШАЛОСЬ КРОВЬЮ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ, КОТОРОГО НЕ КАСАЛИСЬ ВЗГЛЯДЫ НЕПОСВЯЩЕННЫХ, И НА КОТОРОЕ ДАЖЕ КРИВЕ И НАИБОЛЕЕ ПОЧИТАЕМЫЕ ВАЙДЕЛОТЫ НЕ МОГЛИ ВЗОЙТИ ИНАЧЕ, ЧЕМ ДЛЯ ВЫПОЛНЕНИЯ СВЯТЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ. ЛИШЬ В ОСОБО ТОРЖЕСТВЕННЫЕ, ЛУННЫЕ НОЧИ ПАДАЛА УЖАСНАЯ СТЕНА МЕЖДУ НАРОДОМ И ЕГО БОГАМИ. КОВРЫ СВОРАЧИВАЛИСЬ, И СОДРОГАЮЩАЯСЯ ТОЛПА С БОГОБОЯЗНЕННОГО РАССТОЯНИЯ С УЖАСОМ СМОТРЕЛА НА ПОВЕЛИТЕЛЕЙ СВОЕЙ СУДЬБЫ КАК НА КАКОЙ-ТО ДРУГОЙ МИР. ВЫСОКО, МЕЖДУ ТРЕМЯ БОЛЬШИМИ ВЕТВЯМИ ДУБА, КОТОРЫЕ, ИСКРИВЛЯЯСЬ, ОТДАЛЯЛИСЬ ОТ СТВОЛА И ДРУГ ОТ ДРУГА, А К ВЕРХУШКЕ СНОВА ПРИБЛИЖАЛИСЬ ОДНА К ДРУГОЙ, БЛЕСТИЛИ ВО МРАКЕ ЧЕРНЕЮЩЕЙ КРОНЫ ФИГУРЫ ПЕРКУНСА, ПОТРИМПСА И ПЕКОЛСА. У НОГ ИХ СТОЯЛИ ИХ СВЯТЫЕ АТТРИБУТЫ, А МЕЖ НИМИ ЛЕЖАЛ, РАСПРОСТЕРШИСЬ, МОЛЯЩИЙСЯ КРИВЕ. ВАЙДЕЛОТЫ, СТОЯ

длинными рядами, пели медленные, торжественные, хвалебные песни, и тянущиеся наверх языки пламени и облака дыма от зажженных жертвоприношений распространяли над величественной группой волшебный, переменчивый свет, который временами сменялся тьмой. Перкунс, бог грома, чье имя сохранено у латышей до сих пор, изображался как мужчина средних лет с сердитым, грозным лицом. Языки пламени образовывали корону вокруг его головы, и черная, косматая борода спадала ему на грудь. Погода была в его власти, и был он повелителем других богов. Ему посвящались в основном дубы, и вечный огонь из поленьев этого дерева горел в его честь в священном кругу. Раскаты грома были языком этого бога. «Старый отец бранится», - так говорят латыши при раскатах грома еще и сегодня. Так как ход их мысли не был слишком мрачным, сказывали и так: «Он говорит с криве». Тогда хранители очага выходили из своих хижин, неся на плечах посуду со свежим мясом, и с тихой молитвой и смирением обходили границы своих владений; а когда гроза проходила, не причинив вреда, они со своими семьями радостно вкушали освященные дары. С правой стороны от Перкунса стоял Потримпс, радостный, улыбающийся юноша, чью голову украшал венок из колосьев. Возможно, он был богом солнца, который давал нивам плодород-

ДИЕ. ЕГО СВЯТИЛИЩЕМ БЫЛИ ВЯЗАНКИ, ПОД КОТОРЫМИ В НЕКОЕМ ГОРШКЕ МОЛОКОМ ПОДКАРМЛИВАЛИ РУЧНЫХ ЗМЕЙ, БЫВШИХ ЗАЛОГОМ ДОСТАТКА В ДОМЕ. ХРИСТИАНСКИЕ МОНАХИ ОБВИНЯЛИ ЭТОГО ДОБРОДУШНОГО БОГА В ТОМ, ЧТО ОН ТРЕБУЕТ В ЖЕРТВУ ДЕТЕЙ. НО ОБЫЧНЫМИ ДАРАМИ, КОТОРЫЕ ЕМУ НЕСЛИ, БЫЛИ БЛАГОВОНΙΑ И ВОСК. К ЕГО ПРАЗДНЕСТВАМ ЖРЕЦЫ ГОТОВИЛИСЬ ТРЕХДНЕВНЫМ ПОСТОМ, ВО ВРЕМЯ КОТОРОГО ОНИ ЛЕЖАЛИ, РАСПРОСТЕРШИСЬ НА ГОЛОЙ ЗЕМЛЕ. ВОЗМОЖНО, ОНИ ХОТЕЛИ, ЧУВСТВУЯ НЕДОСТАТОК, ВОСПЛАМЕНИТЬ В СЕБЕ ВЫСШУЮ БЛАГОДАРНОСТЬ К БОГУ, ДАЮЩЕМУ ИЗОБИЛИЕ; ВОЗМОЖНО, ИХ ПОЛОЖЕНИЕ ДОЛЖНО БЫЛО ИЗОБРАЖАТЬ БЕДСТВЕННОСТЬ, В КОТОРОЙ ПРИШЛОСЬ БЫ МУЧИТЬСЯ ЛЮДЯМ БЕЗ ЕГО БЛАГОДАТИ. С ЛЕВОЙ СТОРОНЫ ОТ «ГРОМОВЕРЖЦА» ВОССЕДАЛ ПЕКОЛС, И СЕРДИТЫЙ ВЗГЛЯД ВЫСШЕГО БОГА БЫЛ НАПРАВЛЕН НА НЕГО, НА БЛЕДНОГО СТАРЦА, С ЛИЦОМ В ПЯТНАХ КРОВИ, ДЛИННОЙ, СЕДОЙ БОРОДОЙ И ПОГРЕБАЛЬНОЙ ПОВЯЗКОЙ ВОКРУГ ГОЛОВЫ, - НА НЕГО, БОГА ПРЕИСПОДНЕЙ, КОТОРЫЙ НЕ ЛЮБВИ, А ЛИШЬ СОДРОГАНИЯ ТРЕБОВАЛ ОТ ВСЕХ ЖИВЫХ. СИМВОЛАМИ ЕГО БЫЛИ ЧЕРЕПА МЕРТВЕЦОВ, КОТОРЫЕ СТОЯЛИ ПЕРЕД НИМ, НАНИЗАННЫЕ НА ЖЕРДИ, А ОБЫЧНОЙ ЖЕРТВОЙ - ЖИР, КОТОРЫЙ РАСТАПЛИВАЛИ В КОТЛЕ. ПЕРЕД НАЧАЛОМ ВОЙНЫ ПРИНОСИЛИ В ЖЕРТВУ ЕМУ ЧЕЛОВЕКА ИЗ ВРАЖЕСКОГО ПЛЕМЕНИ, И КАПЛИ ИЛИ ПОТОК КРОВИ ИЗ ПРОТКНУТОЙ ГРУДИ ЖЕРТВЫ ВОЗВЕЩАЛИ О ПОРАЖЕНИИ ИЛИ О ПОБЕДЕ. ЕМУ ПОСЛЕ ВЫИГРАННОЙ БИТВЫ СНО-

ВА ПРИНОСИЛИ В ЖЕРТВУ САМЫХ ПОЧЕТНЫХ ПЛЕННИКОВ. У ОДНОГО КРЕСТОНОСЦА ГЕРХАРДА БЫЛА ТАКАЯ КОНЧИНА В ПРУССИИ. ЕГО В ПОЛНОМ ВОЕННОМ ОБЛАЧЕНИИ ПРИВЯЗАЛИ К ЛОШАДИ, НОГИ ЕЕ ПРИВЯЗАЛИ К ЧЕТЫРЕМ ВБИТЫМ В ЗЕМЛЮ СТОЛБАМ, СЛОЖИЛИ ВОКРУГ НЕГО БОЛЬШОЙ КОСТЕР И ПОДОЖГЛИ. ТАКЖЕ, ПОЗЖЕ, БЫЛ ПРИНЕСЕН В ЖЕРТВУ И ХИРЦХАЛЬС, НЕКИЙ ЖИТЕЛЬ МАГДЕБУРГА. ИНОГДА ДОВОЛЬСТВОВАЛИСЬ И ТЕМ, ЧТО ЭТОМУ БОГУ ПРИНОСИЛИ В ЖЕРТВУ БЕЛЫХ ЛОШАДЕЙ, КОТОРЫХ ДО ЭТОГО ГОНЯЛИ ВОКРУГ ДО ТЕХ ПОР, ПОКА ОНИ БЕЗ СИЛ НЕ ПАДАЛИ НА ЗЕМЛЮ ПОЛУМЕРТВЫМИ. ПЕКОЛСУ ПРЕДНАЗНАЧАЛИСЬ И ТЕ ЖЕРТВЫ, КОТОРЫЕ ПРИНОСИЛИСЬ ПЕРЕД ПОГРЕБЕНИЕМ КАКОГО-НИБУДЬ ПОКОЙНИКА. ОН ЗАБОТИЛСЯ И О ТОМ, ЧТОБЫ ЖРЕЦЫ ДОЛЖНЫМ ОБРАЗОМ ПОЛУЧАЛИ СВОЮ ДОЛЮ. ЕСЛИ, ДЕЛЯ НАСЛЕДСТВО, ИХ ОБХОДИЛИ ИЛИ ОДАРИВАЛИ СКУДНО, ТО НОЧЬЮ БУШЕВАЛ ОН В ДОМАХ И В ХЛЕВАХ, И ТАК ЗАСТАВЛЯЛ НАСЛЕДНИКОВ ИСПРАВИТЬ СВОЮ ОШИБКУ И ОДАРИТЬ КАКОГО-НИБУДЬ ВАЙДЕЛОТА, ЧТОБЫ ТОТ ЗАДОБРИЛ БОГА. ТОЛЬКО КРОВЬ МОГЛА ТОГДА УДОВЛЕТВОРИТЬ ХМУРОГО ПРАВИТЕЛЯ ПРЕИСПОДНЕЙ, ПОЭТОМУ ЖРЕЦ В НЕПРЕРЫВНОЙ МОЛИТВЕ РАЗДИРАЛ СЕБЕ РУКИ, ПОКА ШУМ В СВЯТИЛИЩЕ ДОМАШНИХ БОГОВ НЕ ВОЗВЕЩАЛ, ЧТО БОГ УЖ УБЛАГОТВОРЕН. ЕЩЕ ДО СИХ ПОР В НЕКОТОРЫХ МЕСТАХ ЛИФЛЯНДИИ ЗНАЮТ СЛОВО ПЕКЛЕ, ЧТО ОЗНАЧАЕТ АД. И ПЛАЧУЩИХ ДЕТЕЙ ПОНЫНЕ ПЕКОЛС УСПОКАИВАЕТ, ЕСЛИ ЕГО НЕ ЗАМЕСТИЛИ КАКИМ-ТО НЕМЦЕМ. ВТОРОЙ КЛАСС БОЖЕСТВ, У КОТО-

РЫХ НЕ БЫЛО НИКАКОГО ОПРЕДЕЛЕННОГО АЛТАРЯ, БЫЛ БОЛЕЕ МНОГОЧИСЛЕННЫМ. К НЕМУ ПРИНАДЛЕЖАЛИ: ОКОПИРУНС, КОТОРЫЙ УПОРЯДОЧИВАЛ ПУТИ СВЕТИЛ И СМЕНУ ВРЕМЕН ГОДА, НО НИГДЕ НЕ БЫЛ ОСОБО ПОЧИТАЕМ, КУРХО, КОТОРЫЙ ТАКЖЕ ПОВЕЛЕВАЛ УРОЖАЕМ. ГОД ЗА ГОДОМ ЕМУ ПРИНОСИЛИ В ЖЕРТВУ ПЕРВЫЕ ПЛОДЫ УРОЖАЯ, А ПОТОМ ЛОМАЛИ ЕГО ОБРАЗ И СНОВА ВОЗВОДИЛИ НА КАКОМ-НИБУДЬ ХОЛМЕ. ЕГО САМОЕ ЗНАЧИМОЕ ИЗВАЯНИЕ НАХОДИЛОСЬ НА НЕКОЕМ ДУБЕ В ХЕЙЛИГЕНБЕЙЛЕ. К ЭТОМУ БОГУ ОБРАЩАЛИСЬ ОНИ С МОЛИТВАМИ, НАНЕСЕННЫМИ НА ИХ ФЛАГ, О ПОМОЩИ ПРОТИВ НЕМЕЦКИХ ГРАБИТЕЛЕЙ, КОТОРЫЕ СЖИГАЛИ ИХ ПОЛЯ, О ЧЕМ Я УЖЕ УПОМИНАЛ ВЫШЕ. И В ПОМЕРАНИИ ЕГО ПОЧИТАЛИ, ТАКЖЕ КАК В МЕКЛЕНБУРГЕ ЧТИЛИ СВАЙКСТИКСА ИЛИ СВАНТЕВИТА, УТРЕННЮЮ ЗВЕЗДУ, В ОБРАЗЕ МУЖЧИНЫ С ГОЛОВОЙ ЛЬВА. ПЕРДОИТИС БЫЛ БОГОМ ВЕТРА. ОН ХОДИЛ ПО МОРЮ И ПО ЗЕМЛЕ, И ПРЯДИ ВОЛОС ЕГО – ОБЛАКА – ПОКАЧИВАЛИСЬ ВОКРУГ ЕГО ГОЛОВЫ. КУДА ПОВОРАЧИВАЛСЯ ОН, ТУДА УСТРЕМЛЯЛОСЬ И ЕГО ДУНОВЕНИЕ – БУРЯ. ЕМУ И ГАРДИЕТИСУ, БОГУ УЛОВА, ВЫНОСИЛИ ОНИ К БЕРЕГУ МОРЯ НА ПЛОСКИЕ КАМНИ УГОЩЕНЬЯ ИЗ СВОЕГО УЛОВА. ПЕРГРУБИЙ, СОЗДАТЕЛЬ ПОЧЕК, БЫЛ БОГОМ ВЕСНЫ. ОН ЗАРОЖДАЛ ИЗ ЗАЧАТКОВ ЛИСТКИ, ЦВЕТЫ И СЕМЕНА, И ЗАСЛУЖИЛ ЭТИМ КАЖДОЙ ВЕСНОЙ СОБСТВЕННЫЙ ВСЕОБЩИЙ ПРАЗДНИК. ПУШКАЙТИС, БОГ ЗЕМЛИ, БОЛЬШЕ ВСЕГО ЛЮБИЛ ОБИТАТЬ ПОД ГУСТЫМИ КУСТАМИ БУЗИНЫ. ТУДА НЕСЛИ ЕМУ ПИВО И УГОЩЕНЬЕ, И МОЛИЛИ ЕГО, ЧТОБЫ ПРИСЫЛАЛ

ОН С БОГАТЫМИ ДАРАМИ В ДОМА И ХЛЕВА БАРЗДУКОВ, МАРКОПЕТОВ И ПИЛВАЙТОВ, КОТОРЫЕ БЫЛИ ТРЕМЯ ВИДАМИ ДОМАШНИХ ДУХОВ. ЛИГО БЫЛ БОГОМ ЛЮБВИ И ДРУЖБЫ, И В ЧЕСТЬ НЕГО НАРОД УСТРАИВАЛ ЕЖЕГОДНЫЙ НОЧНОЙ ПРАЗДНИК В СЕРЕДИНЕ ЛЕТА. АУСКУТС ИЛИ АВСКУТИС, СТРИГАЛЬ ОВЕЦ, БЫЛ ВРАЖДЕБНЫМ ДЕМОНОМ, КОТОРЫЙ РАСПРОСТРАНЯЛ МЕЖ ЛЮДЬМИ И СКОТИНОЙ МОР И МУЧЕНИЯ. ЕГО БЫЛА ВИНА, КОГДА СО СПИН ОВЕЦ СХОДИЛА ШЕРСТЬ; КАК ЗНАМЕНИЕ ПРИБЛИЖЕНИЯ ЧУМЫ. ЛАЙМА-МАМОЧКА ПОМОГАЛА РОЖЕНИЦАМ. УСИНЬШ, БОГ ПЧЕЛ, УЖЕ РАНЕЕ БЫЛ УПОМЯНУТ. БОГОВ ЭТОГО РАНГА СЛИШКОМ МНОГО, ЧТОБЫ МОЖНО БЫЛО ЗДЕСЬ ВСЕХ ОПИСАТЬ. ПОЭТОМУ Я ПЕРЕХОЖУ К ТРЕТЬЕМУ ВИДУ, ВО ГЛАВЕ КОТОРОГО СТОЯЛ САМ ВИДЕВУТ, НАЗВАННЫЙ ИШВАМБРОТОМ ИЛИ ЦИЕМНИКСОМ; ХОЗЯИН ДОМА, ОН БЫЛ ЕДИНСТВЕННЫМ ИЗ ТЕХ, КОМУ ЕЩЕ ТОРЖЕСТВЕННО ПРИНОСИЛИ ЖЕРТВЫ. ЕМУ, СОЗДАТЕЛЮ ВСЕГО ЛАТЫШСКОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ, ЕЩЕ ПЯТЬСОТ ЛЕТ ПОСЛЕ ЭТОГО ВВЕРЯЛИ ХРАНЕНИЕ ВСЕГО ХОЗЯЙСТВА. В НЕКОТОРЫХ ДОМАХ ДЛЯ НЕГО БЫЛО УСТРОЕНО СОБСТВЕННОЕ СВЯТИЛИЩЕ, ГДЕ ЕМУ СТАВИЛИ МЕД И МОЛОКО. НО ВСЕОБЩЕ ЧЕСТВОВАЛИ ЕГО НА ПРАЗДНИЧНЫХ ЗАСТОЛЬЯХ. ЕМУ ВОЗДАВАЛИ ОСОБЫЕ ВОЗЛИЯНИЯ, ОТЛИВАЛИ ИЗ КАЖДОГО ОПУСТОШАЕМОГО КУБКА МЕДА НЕМНОГО В ЕГО ЧЕСТЬ, ОТБРАСЫВАЛИ ОТ КАЖДОГО ВЫНЕСЕННОГО БЛЮДА В УГОЛ НЕСКОЛЬКО КУСОЧКОВ. НО БОЛЬШЕ ВСЕГО ПОЧИТАЛИ ЕГО НА ПРАЗДНИКАХ ВЕСНЫ И КОЛОДЫ, О КОТОРЫХ Я РАССКАЖУ ПОЗЖЕ.

К ЭТОМУ ЖЕ САМОМУ ВИДУ ПРИНАДЛЕЖАЛИ И БАРЗДУКИ, МАРКОПЕТЫ И ПИЛВАЙТЫ – ДУХИ, КОТОРЫЕ С ЛУННЫМИ ЛУЧАМИ ПРОНИКАЛИ В КОМНАТЫ, ОСОБЕННО К ОСЛАБЛЕННЫМ И БЕССОННЫМ, И В ВИДЕ ЗАПЕЛЕНАТЫХ ДЕТЕЙ ПОДХОДИЛИ К КРОВАТЯМ. ИХ ПОСЕЩЕНИЯ НЕ БЫЛИ НЕПРИЯТНЫМИ, ПОТОМУ ЧТО ОНИ НЕСЛИ ДОВОЛЬСТВО В ХЛЕВ И В ПОГРЕБ, И ЧУДЕСНЫМ ОБРАЗОМ МНОЖИЛИ ВСЕ, А В ОСОБЫЕ НОЧИ ИМ СТАВИЛИ НА ЧЕРДАКАХ И В КЛАДОВЫХ МАЛЕНЬКИЕ ТАРЕЛКИ С ЕДОЙ И РАДОВАЛИСЬ, ЕСЛИ ОКАЗЫВАЛОСЬ, ЧТО ЧТО-ТО СЪЕДЕНО, ПОТОМУ ЧТО ЭТО БЫЛО ЗНАКОМ БЛАГОСЛОВЕНИЯ. ДРУГИМ ВИДОМ ДОМАШНИХ БОЖЕСТВ БЫЛИ ЗМЕИ – ПОРОДА ЖИВОТНЫХ, КОТОРАЯ ИЗ ВСЕХ ПРЕСМЫКАЮЩИХСЯ ЧЕЛОВЕКУ НАИБОЛЕЕ ОТВРАТИТЕЛЬНА, НО ВСЕ-ТАКИ ПОЧТИ В ЛЮБОЙ МИФОЛОГИИ ОНА ЗАНИМАЛА ЗНАЧИМОЕ МЕСТО. ЛАТЫШИ В СВОИХ ДОМАХ ДЕРЖАЛИ НЕКУЮ ПОРОДУ РУЧНЫХ ЗМЕЙ, КОРМИЛИ ИХ СО СВЯЩЕННОЙ ЗАБОТОЙ, И ОБХОДИЛИСЬ С НИМИ НАСТОЛЬКО ДОВЕРИТЕЛЬНО, ЧТО ДЕТИ ИНОГДА ЕЛИ С НИМИ ИЗ ОДНОЙ ПОСУДЫ. ОНИ СЧИТАЛИ БОЛЬШИМ ЗЛОДЕЙСТВОМ, КОТОРОЕ МОГЛО ПРИВЕСТИ ВСЕ ХОЗЯЙСТВО К ПОГИБЕЛИ, ЕСЛИ КАКУЮ-ТО ИЗ НИХ УБИВАЛИ. И ДИКИЕ ЗМЕИ БЫЛИ ПОЧИТАЕМЫ, ОСОБЕННО ЖЕНЩИНАМИ, КОТОРЫЕ СТАВИЛИ ИМ ПОСУДУ С МОЛОКОМ МЕЖДУ ДЕРЕВЬЯМИ И ПРОСИЛИ О СИЛЕ В БРАЧНЫХ ИГРАХ ДЛЯ СВОИХ МУЖЕЙ. КРОМЕ ЭТОГО, СВОЕГО РОДА СВЯТОСТЬ ПРИПИСЫВАЛИ ЧЕРНЫМ И БЕЛЫМ ЛОШАДЯМ, ОЛЕНЯМИ, ЖАБАМ И ДРУГИМ ЖИВОТНЫМ. ИМЕЛИСЬ ТАКЖЕ СВЯТЫЕ ЛЕСА, ОЗЕРА, РУ-

ЧЬИ И ГОРЫ, В КОТОРЫХ НЕЛЬЗЯ БЫЛО ОХОТИТЬСЯ, РЫБАЧИТЬ, САЖАТЬ; ТУДА КАЖДЫЙ ГОД НЕСЛИ ЖЕРТВЫ, И ТЕПЕРЬ ЕЩЕ МЕСТА ЭТИ ТАЙНО ПОСЕЩАЮТСЯ И ПОЧИТАЮТСЯ. ОСОБЕННО СВЯЩЕННЫМИ БЫЛИ ПОГРЕБЕНИЯ ПРЕДКОВ, А ДЛЯ ДУШ ИХ УСТРАИВАЛИСЬ СПЕЦИАЛЬНЫЕ ТОРЖЕСТВА. В ОДИН ОПРЕДЕЛЕННЫЙ ДЕНЬ ЗИМОЙ ОТЕЦ ДОМА САМ ТОПИЛ ЛУЧШУЮ ЧАСТЬ СВОЕГО ЖИЛИЩА, КОТОРОЙ ОБЫЧНО БЫЛА БАНЯ, ЧИСТИЛ ЕЕ СВОИМИ РУКАМИ, НАКРЫВАЛ СТОЛ И ЗАСТАВЛЯЛ ЕГО САМЫМИ ОТБОРНЫМИ УГОЩЕНИЯМИ. ПОТОМ ОТСЫЛАЛ ОН ПРОЧЬ ВСЮ СВОЮ СЕМЬЮ, САМ ВСТАВАЛ СО СВЕТЦАМИ, КОТОРЫЕ ОНИ ИСПОЛЬЗОВАЛИ ВМЕСТО СВЕЧЕЙ, В ДВЕРЯХ И ЗВАЛ ТОРЖЕСТВЕННО ВСЕ ДУШИ СВОИХ УМЕРШИХ РОДСТВЕННИКОВ, КОТОРЫЕ НАЗЫВАЛ ОН ПО ИМЕНАМ, К СТОЛУ, У КОТОРОГО САМ ОН ПОТОМ НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ ПОДДЕРЖИВАЛ ОГОНЬ. КОГДА ОН ПОЛАГАЛ, ЧТО ЕГО НЕВИДИМЫЕ ГОСТИ НАСЫТИЛИСЬ, ТОГДА ПОДНИМАЛ ОН НА ПОРОГЕ СВОИ СВЕТЦЫ И ПРИЗЫВАЛ ДУШИ С МИРОМ ВОЗВРАЩАТЬСЯ К СЕБЕ ДОМОЙ, НО ПО ДОРОГЕ, ЧТОБЫ НЕ ПОМЯТЬ ПОСЕВЫ. МЕЖ НАСТОЯЩИМИ ПРАЗДНИКАМИ ВЫДЕЛЯЛСЯ ПЕРВЫЙ, ПОСВЯЩЕННЫЙ МИЛОМУ ПЕРГРУБИЮ ИЛИ СОЗДАТЕЛЮ ПОЧЕК. ПОЧЕМУ ОТМЕЧАЛИ ЭТОТ ПРАЗДНИК ВЕСНОЙ, ЛЕГКО ДОГАДАТЬСЯ. КАК ТОЛЬКО НАСТУПАЛА ХОРОШАЯ ПОГОДА И РАСЦВЕТАЛ ОРЕШНИК, ТАК ВИРШКАЙТИС ИЛИ ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ СОЗЫВАЛ ВМЕСТЕ ВСЕХ ЛЮДЕЙ С ОКРЕСТНОСТЕЙ. РАСПЕВАЛИСЬ ТОРЖЕСТВЕННЫЕ ХВАЛЕБНЫЕ ПЕСНИ, ПОТОМ ЗАБИВАЛИ ПАРУ БАРАШКОВ, КОТОРЫХ ПОДВОДИЛИ МОЛОДЫЕ,

КРАСИВО УКРАШЕННЫЕ ДЕВУШКИ, И СЖИГАЛИ ИХ НА ВЕТКАХ ТЕХ ПЛОДОНОСНЫХ ДЕРЕВЬЕВ, КОТОРЫЕ ЕЩЕ НЕ РАСЦВЕЛИ, КАК СИМВОЛ НАДЕЖДЫ. ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ ОПУСТОШАЛ КУБОК С МЕДОМ, БРОСАЛ ЕГО ЗА СЕБЯ И ВЕЩАЛ: «МОГУЧИЙ ПЕРГРУБИЙ, ОТЕЦ ЖИВОГО! ТЫ ПРОГОНЯЕШЬ ЗИМУ, ПОСЫЛАЕШЬ СВОЕ БЛАГОСЛОВЕНИЕ ЗЕМЛЕ, И ПРОРАСТАЕТ ТРАВА, ПРОРАСТАЮТ ЦВЕТЫ! БЛАГОСЛОВИ ПОЛЯ НАШИ И ИСКОРЕНИ ТРАВЫ СОРНЫЕ! БЛАГОСЛОВИ ЛЕС И САД! КАЖДАЯ ВЕТОЧКА ПУСТЬ СТАНЕТ ВЕТКОЙ, ЧТОБЫ ЛЮДИ И СТАДА НАШЛИ ПОД НЕЙ ТЕНЬ, КАЖДАЯ ПОЧКА ПУСТЬ СТАНЕТ ЦВЕТКОМ, КАЖДЫЙ ЦВЕТОК – ПЛОДОМ, ЧТОБЫ БЫЛО ПРОПИТАНИЕ ЛЮДЯМ, ПЧЕЛАМ И ПТИЦАМ И ПРОСЛАВЛЯЛИ БЫ ОНИ ТЕБЯ, УСЛАЖДАЯСЬ». ТОЛПА ШЛА ГЛУБЖЕ В РОЩУ. МОЛОДОЙ БЫК ПРИВОДИЛСЯ К АЛТАРЮ, И ЖРЕЦ С ПОДНЯТЫМИ НАВЕРХ РУКАМИ МОЛИЛ: «ПЕРКУНС, ОТЕЦ! ДЕТИ ТВОИ ВЕДУТ ЭТУ БЕЗВИННУЮ ЖЕРТВУ К АЛТАРЮ! ОСВЯТИ, ОТЕЦ, ПАХОТУ И ПОСЕВЫ! КАК КАМЫШИ ПУСТЬ КРАСУЮТСЯ МЕДНО-КРАСНЫЕ СНОПЫ, С БОЛЬШИМИ КОЛОСЬЯМИ, ВЫСОКИМИ ВЕРХАМИ, ИСТИННЫМ ЗЕРНОМ НАПОЛНЕННЫЕ.»

DIE MENSCHEN ERSCHAFFEN IHREN GOTT, UND DIESER ERSCHAFFT IHNEN DANN EINEN CHARAKTER. IHRE ENTDECKUNGEN IN DER UNSICHTBAREN WELT BESTIMMEN, WAS SIE IN DER SICHTBAREN SIND. WER ZUERST DIE IDEE EINER GOTTHEIT HAT, UND DAHIN GELANGT, SEINER VORSTELLUNG BEI DEM VOLKE, UNTER DEM ER LEBT, EINGANG ZU VERSCHAFFEN, DRÜCKT IHM EINER STEMPEL AUF, DEN OFT JAHRTAUSENDE NICHT VERWISCHEN. ES IST WAHR, DER ERSONNENE WELTGEIST IST IN ALLEN EIGENSCHAFTEN NUR DER WIDERSCHIEB DES JENIGEN, DER IHN ERSANN: ABER ER STRAHLT AUS DEM HERZEN ALLER SEINER VEREHRER ZURÜCK. DER GOTT ABRAHAMS NAHM DEN HARTEN, RACHGIERIGEN, STOLZEN CHARAKTER DES FELDHERREN AN, DER IHN IN ARABIENS WÜSTEN VERKÜNDETE: DAFÜR WURDEN ABER DIE ISRAELITEN SELBST, UM DEN IDEAL, DAS IHNEN AUFGEDRÄNGT WARD, ZU ENTSPRECHEN, BLUTDURSTIGE, UNVERSÖHNLICHE, HOCHMÜTIGE FEINDE DES GANZEN ÜBRIGEN MENSCHENGESCHLECHTS. DES MENSCHEN SOHN MALTE SEINEN HIMMLICHEN VATER SO MENSCHENFREUNDLICH, LIEBREICH, WOHLTHÄTIG, DULDEND, ALS ER SELBST WAR; SEINE ANHÄNGER WAREN ALLES DIES IN DEN ERSTEN JAHREN NACH SEINEM TODE AUCH; HAT DIE IDEE DER GOTTHEIT EINEN SO WICHTIGEN EINFLUSS AUF DIE MONOTHEISTEN: WIE MUSS SIE ERST AUF POLYTHEISTEN WIRKEN, DEM SEINE GÖTTER IMMER SO NAHE SIND! VERGEBENS SAGT MAN DEM ERSTERN: "GOTT IST EIN ALLGEGENWÄRTIGER GEIST". ER DENKT SICH ENTWEDER NICHTS DABEI, ODER ER STAUNT DIE GROSSE IDEE MIT KALTER BEWUNDERUNG AN. DIE ALLGEMEINHEIT DER GÖTTLICHEN GEGENWART ZERSTÖRT DIE BEZIEHUNG

AUF EINZELNE. EINEM WESEN, DAS IN CHINA, IN DEM ENTFERNTESTEN STERNEN SO GEGENWÄRTIG, SO WIRKSAM IST, ALS HIER, BIN ICH ZU UNWICHTIG, ALS DASS ES SICH MIT MIR VORZÜGLICH BESCHÄFTIGEN SOLLTE." SO RÄSONNIERT DER MONOTHEIST IM INNERN SEINES HERZENS: VIELLEICHT OHNE DASS ER SELBST SICH DESSEN BEWUSST IST. SEINE GOTTHEIT LÄSST IHN SO KALT, SO GLEICHGÜLTIG, DASS ER ENDLICH UNTERSUCHT, OB ES DENN WIRKLICH AUCH EIN SOLCHES WESEN GEBE? ER ENDIGT ENTWEDER DAMIT, ÜBER SICH SELBST ZU SPOTTEN, DASS ER JE GLAUBEN KONNTE, - ODER ER ERBEUTET NACH LANGEM GRÜBELN UND TAPPEN NUR EINE GLEICHGÜLTIGE WAHRSCHEINLICHKEIT, DIE NIE SEIN HERZ, AUCH NUR FÜR EINEN AUGENBLICK, MEHR ERWÄRMEN KANN. WIE ANDERS IST ES MIT DEM POLYTHEISTEN! GEHT IHN AUS SEINER HÜTTE HERVORTRETEN: DER BAUM, DER SIE BESCHATTET UND IHM KÜHLUNG ZUFÄCHELT, IST DIE WOHNUNG EINER GEWOGENEN GOTTHEIT, ODER DOCH IHR GEHEILIGT. ER BLICKT DURCH SEIN LAUBDACH EMPOR: DIE SONNE LEUCHTET IHM, WEIL IHR SEIN WANDEL GEFÄLLT; ODER DER REGEN TRÄNKT SEINE SAAT, WEIL ER DEN BEHERRSCHER DER LUFT DURCH OPFER ODER DURCH GUTE HANDLUNGEN GEWANN. IST EINS VON BEIDEN IHM SCHÄDLICH, SO IST ES NICHT ZUFALL, SONDERN STRAFE FÜR EIN VERGEHEN, DAS ER VERSÖHNEN MUSS. SEINE HEERDE GEDEIHET, WEIL DER BESCHÜZER DERSELBEN IHM WOHL WILL; SIE LEIDET, WEIL ER IHN BELEIDIGTE. ER ERGREIFT SEINEN SPEER, UM DIE WÄLDER ZU DURCHSTREIFEN, - NICHT OHNE DURCH DIE NACHBARSCHAFT DES HAUSGOTTES, DER IHN UND DIE WIRTSCHAFT DIE NACHT HINDURCH

BESCHÜTZTE, ZUN EHRFURCHTSVOLLEN DANK AUFGEFORDERT ZU WERDEN. ER TRITT IN DEN HAIN: DER ATHEM EINER GOTTHEIT RAUSCHT DURCH DIE WIPFEL. GELINGT DIE JAGD, SO HAT ER NEUEN DANK DARZUBRINGEN; UND WIE KANN ES DIESEN THÄTIGER BEWEISEN, ALS DURCH GASTFREIHEIT GEGEN DEN FREMDLING, DEN EIN SCHUTSSGOTT INDESS ZU SEINER HÜTTE LEITETE? - DIESEM SCHUTSSGOTT ENTZÜNDET ER DAS FEUER AUF DEM WIRTSCHAFTLICHEN HEERDE, AN DEM DER GAST SICH ERWÄRMET; JENEM DECKT ER DEN TISCH, AN DEM SICH DIESER SÄTTIGET; JENES RECHTE VEREHRT ER IN DER ACHTUNG UND DEM SCHUTZE, DIE ER DIESEM GEWÄHRT. - ER DURCHEILT DAS MEER IM SCHAUKELNDEN NACHEN: EIN GOTT EBNET DIE FLUTH VON IHM HER; EIN GOTT THÜRMT SIE AUF, UND PEITSCHT IM STURME DIE WOGEN, UND DROHET DEM NACHEN UNTERGANG. GEFAHR GEBIERT DEN MUTH: DER SCHIFFENDE RINGET UND KÄMPFT, ER ERREICHET DAS UFER, ER SPRINGT ANS LAND; E I N G O T T I S T E S, DEM ER SEIN LEBEN ABGEWANN! WELCHES SELBSTVERTRAUEN, WELCHEN MUTH MUSS IHM D I E VORSTELLUNG GEBEN! JA, DER POLYTHEIST KANN RAUHER, GRAUSAMER, GEFÜHLLOSER SEYN, ALS DER EINGÖTTLER: ABER ER WIRD AUCH TREUER, EDLER, STÄRKER, MUTHIGER, TUGENDHAFTER SEYN, ALS DIESER. DIE NACHBARSCHAFT SEINER GOTTHEITEN, UNTER DEREN AUGEN ER WANDELT, DIE UNAUFHÖRLICHE GEMEINSCHAFT, IN DER ER MIT IHNEN STEHT, DIE ERREICHBARKEIT DERSELBEN, KÖNNEN URSACHE WERDEN, DASS ABERGLAUBE DEN FORTSCHRITT SEINER KENNTNISSE HEMMT: ABER ER GEWINNT AN ENERGIE UND FESTIGKEIT DOPPELT, WAS

ER AUF JENER SEITE VERLOR; UND IN DIESEM SINNE MUSS MAN DEN SO OFT MISSGEDEUTETEN AUSSPRUCH SCHILLERS UNTERSCHREIBEN: "ALS GÖTTER MENSCHLICHER NOCH WAREN, DA WAREN MENSCHEN GÖTTLICHER." DIE RELIGIONSBEGRIFFE DER LETTEN WAREN WEDER ZAHLREICH, NOCH SPITZFINDIG. SIE GLAUBTEN, DASS JEDES, VON DONNER HERAB BIS ZUM KEHRICHTHAUFEN, EINE EIGENE GOTTHEIT HABE, DIE MAN VEREHREN MÜSSE; SIE GLAUBTEN DIE UNSTERBLICHKEIT DER SEELE, OHNE IHREN KÜNFTIGEN ZUSTAND BESTIMMEN ZU WOLLEN; SIE GLAUBTEN, DASS MAN UM DEN GÖTTERN ZU GEFALLEN, THUN MÜSSE, WAS RECHT SEY, UND VERLIESSEN SICH BEI AUFFINDUNG DES RECHTS, AUF DIE LEITUNG IHRES GEFÜHLS - EINES SICHERERN FÜHRERS, ALS DIE GRÜBELEI DER MORALISTEN IST. DAS WAR DER GANZE INHALT IHRER THEOLOGIE, HINREICHEND FÜR EIN VOLK, DAS KEINE VERHÄLTNISSE UND KEINE BEDÜRFNISSE KANNT, ALS DIE GESELLIGEN NATUR. DIE GOTTHEIT WAR, NACH DER VORSTELLUNG DER LETTEN, ZU ERHABEN, UM VON WÄNDEN UMSCHLOSSEN ZU WERDEN. SIE VEREHRTE DIESELBE, WO DIE SPUREN IHRES DASEYNS UND IHRER MACH FANDEN: DEN GOTT DES DONNERS UNTER SO OFT VOM BLITZ VERSENGTEN EICHEN; DEN GOTT DER WÄLDER IN HAINEN; DEN GOTT DES MEERES AM STRANDE; DEN BESCHÜTZER DER SAATEN AUF DEN AECKERN, VON DENEN SIE SO EBEN SEINEN SEGEN EINGESAMMELT HATTEN. JEDER HAUSVATER WAR DABEI PRIESTER. NUR IHRE OBERSTEN GOTTHEITEN HATTEN AUSSERDEM NOCH GEWISSE PLÄTZE, AN DENEN IHR DIENST VON BESONDERS DAZU VERORDNETEN DIENERN, IM NAMEN DES GANZEN VOLKES, BEGAN-

GEN WARD. SOLCHE PLÄTZE WAREN ZU ROMNOVE IN NADRAUEN, ZU MARIENBURG, HEILIGENBEIL UND BEI WELAU. AM ERSTEN ORTE STAND EINE EICHE, DIE ZWÖLF FUSS IM DURCHSCHNITTE GEHABT, UND VIELLEICHT DURCH MOOS UND ÜBERWINTERNDE SCHLINGPFLANZEN, VIELLEICHT DURCH EINE KUNST DER PRIESTER, SELBST IM WINTER IHR GRÜN NICHT VERLOREN HABEN SOLL. SIE WAR IN EINIGE ENTFERNUNG MIT ACHTFACHEN TEP- PICHEN UMGEBEN: SO ENTSTAND EIN HEILIGER BEZIRK, DEN VORZÜGLICH DAS BLUT DER OPFER BENETZTE, DEN DIE AUGEN DER UNGE[155]WEIHTEN MENGE NICHT ER- REICHTE, UND SELBST KRIVE UND DIE VORNEHMSTEN WAIDELOTTEN NICHT ANDERS, ALS ZUR BEGEHUNG DER RITEN, BETRETEN DURFTEN. NUR IN SEHR FESTLICHEN MONDHELLEN NÄCHTEN SANK DIE FURCHTBARE SCHEI- DEWAND ZWISCHEN DEM VOLK UND SEINEN GÖTTERN. DIE TEPPIISCHE ROLLTEN HINWEG, UND DIE SCHAUDER- NDE MENGE STAUNTE AUS EHRFURCHTSVOLLEN ENT- FERNUNG ZU DEN REGIERERN SEINES GESCHICKES, WIE IN EINE ANDERE WELT, EMPOR. HOCH ZWISCHEN DREI GROSSEN AESTEN DER EICHE, DIE AM STAMM MIT WEI- TER WÖLBUNG AUS EINANDER GINGEN UND GEGEN DEN WIPFEL SICH WIEDER EINANDER NÄHERTEN, GLÄNTZTEN UNTER DEM DUNKEL DES SCHWÄRTZLICHEN LAUBES DIE BRUSTBILDER PERKUNS, POTRIMPOS UND PIKOLLS HER- VOR. ZU IHREN FÜSSEN STANDEN IHRE HEILIGE ATTRI- BUTE; UND ZWISCHEN DENSELBEN LAG DER BETENDE KRIVE AUF SEINEM ANLITZE DA. LANGE REIHEN VON WAIDELOTTEN STIMMTEN LANGSAME FEIERLICHE LOB- GESÄNGE AN, UND DIE EMPORWIRBELNDEN FLAMMEN UND RAUCHWOLKEN DER ANGEZÜNDETEN OPFER VER-

BREITETEN EIN ZAUBERHAF[156]TES WECHSELNDES HELL UND DUNKEL ÜBER DIE MAJESTÄTISCHE GRUPPE. PERKUN, DER GOTT DES DONNERS, DESSEN NAMEN DIESER NOCH IM LETTISCHEN FÜHRT, WARD ALS EIN MANN VON MITTLERM ALTER VORGESTELLT, MIT EINEM ZORNIGEN DROHENDEN GESICHTE. FLAMMEN BILDETEN IHM EINE KRONE, UND EIN SCHWARZER KRAUSER BART HING IHM HERAB AUF DIE BRUST. ER STAND BESONDERS DEM WETTER VOR, UND WAR DER BEHERRSCHER DER ÜBRIGEN GÖTTER. IHM WAREN VORZÜGLICH DIE EIHEN GEHEILIGT, UND EIN EWIGES FEUER VON DEM HOLZE DIESES BAUMES WARD IHM ZU EHREN IN DEM HEILIGEN BEZIRKE UNTERHALTEN. DER DONNER WAR DIE STIMME DES GOTTES. "DER ALTVATER SCHILT", SAGT DER LETTE NOCH JETZT, WENN ES GEWITTERT. DA IHR IDEENGANG WENIGER FINSTER WAR, HIESS ES: "ER SPRICHT ZUM KRIVE". DANN GINGEN DIE HAUSVÄTER AUS IHREN HÜTTEN HERVOR, TRUGEN GEFÄSSE MIT FRISCHEM FLEISCH AUF IHREN SCHULTERN, MIT STILLEM GEBETE UND VERSCHONUNG, UM DIE GRÄNZEN IHRER AECKER; UND WENN DAS GEWITTER UNSCHÄDLICH VORÜBER GEZOGEN WAR, VERZEHRTE SIE DIE GEWEICHETE GABE FROH MIT IHRER FAMILIE. PERKUN ZUR RECHTEN STAND POTRIMP: EIN FROHER LÄCHELNDER JÜNGLING, DESSEN HAUPTEIN AEHRENKLANZ UMZOG. WAHRSCHEINLICH WAR ER DER GOTT DER SONNE, DIE DEN SAATEN GEDEIHEN GAB. SEIN HEILIGTUM WAREN GARBEN, UNTER DENEN IN EINEM TOPFE ZAHME SCHLANGEN, DIE BÜRGEN HAUSLICHEN FÜLLE, MIT MILCH GEFÜTTERT WURDEN. DIE CHRISTLICHEN MÖNCHEN BESCHULDIGTEN DEN FREUNDLICHEN GOTT, DASS ER KINDER ZUM OPFER

BEGEHRE: ABER DIE GEWÖHNLICHEN GABEN, DIE MAN IHM BRACHTE, WAREN WEIHRAUCH UND WACHS. ZU SEINEM FESTE BEREITETEN DIE PRIESTER SICH DURCH EIN DREITÄTIGES FASTEN, WÄHREND DESSEN SIE AUF BLOSSEN ERDE SCHLIEFEN; VIELLEICHT WOLLTEN SIE SICH DURCH DAS GEFÜHL DES MANGELS HÖHER ZUR DANKBARKEIT GEGEN DEN SPENDER DES UEBERFLUSSES ENTFLAMMEN; VIELLEICHT SOLLTE IHR ZUSTAND DAS ELEND SCHILDERN, WORIN DIE MENSCHEN OHNE SEINE WÖHLTÄTIGKEIT SCHMACHTEN MÜSSTEN. ZUR LINKEN DES DONNERERS THRONTE PIKOLL, UND DER ZÜRNENDE BLICK DES OBERGOTTES TRAF IHN, EINEN BLEICHEN GREIS MIT BLUTBEFLECKTEM GESICHTE, LANGEM GRAUEM BART UND EINER WEISSEN TODTENBINDE UM DAS HAUPT: IHN, DEN GOTT DER UNTERWELT, DER NICHT LIEBE, NUR BEBEN, VON ALLEM LEBENDIGEN HEISCHTE. SEIN SYMBOL WAREN TODTENSCHDEL, DIE VOR IHM AUF STANGEN AUFGESTECKT STANDEN, UND SEIN GEWÖHNLICHES OPFER FETT, DAS IN EINEM TOPFE VERBRANNT WARD. IHM OPFERTE MAN VOR DER BEGINNUNG DES KRIEGES EINEN MENSCHEN AUS DER FEINDLICHEN NATION, UND DAS TRÖPFELN ODER STRÖMEN DES BLUTES AUS DER DURCHBOHRTEN BRUST DES OPFERS VERKÜNDIGTE NIEDERLAGE ODER SIEG. IHM WURDEN NACH GEWONNENER SCHLACHT WIEDER DIE VORNEHMSTEN GEFANGENEN GEWÜRGT. EINEN KREUTZBRUDER GERHARD HATTE EINST IN PREUSSEN DIES SCHICKSAL. MAN BAND IHN IN VOLLIGER RÜSTUNG AUF DEM PFERDE AN, BEFESTIGTE DIES MIT DEN FÜSSEN AN VIER IN DIE ERDE GESCHLAGENE PFÄHLE, THÜRMTTE EINEN SCHEITERHAUFEN UM IHN HER, UND ZÜNDETE DIE-

SEN AN. SO WARD SPÄTERHIN AUCH HIRZHALS, EIN BÜRGER AUS MAGDEBURG, GEOPFERT. ZUWEILEN BEGÜGTE MAN SICH DEM GOTTE WEISSE PFERDE ZU VERBRENNEN, DIE DANN VORHER SO LANGE HERUMGEJAGT WURDEN, BIS SIE KRAFTLOS UND HALBTODT ZUR ERDE SANKEN. PIKOLL GALTEN DIE OPFER, DIE VOR DEM BESTATTEN EINES TODTEN ANGESTELLT WURDEN. ER SORGTE AUCH DAFÜR, DASS DEN PRIESTER IHR RECHT DABEI WIDERFÜHRE; DENN WENN DIESE IN DER THEILUNG DER ERBSCHAFT ÜBERGANGEN ODER NUR KÄRGLICH BEDACHT WORDEN WAREN, TOBTE ER NÄCHTLICH IM HAUSE UND IN DEN SCHEUREN UMHER, UND ZWANG SO DIE ERBEN, DAS VERSEHEN ZU BESSERN, UND EINEN WAIDELOTT ZUR BESÄNFTIGUNG DES GOTTES ZU ERKAUFEN. NUR BLUT KONNTE INDESS DEN FINSTERN BEHERRSCHER DER HÖLLE VERSÖHNEN: DAHER ZERFETZTE SICH DER MONCH IN UNAUFHÖRLICHEM GEBETE DIE ARME, BIS EIN GERAUSCH IM HEILIGTHUME DER HAUSGÖTTER DIE BEFRIEDIGUNG DES GOTTES VERKÜNDETE. - NOCH JETZT HEISST IN MANCHEN GEGENDEN LIEFLANDS PEHKLA ODER PIHKLA: DIE HÖLLE; AUCH BRINGT PIKOLL NOCH IMMER WEINENDE KINDER ZUR RUHE - WO MAN IHM NICHT DIE TEUTSCHEN SUBSTITUIRT HAT. DIE ZWEITE KLASSE DER GÖTTER, DIE KEINE BESTIMMTEN ALTÄRE HATTEN, WAR ZAHLREICHER. ZU IHR GEHÖRTEN: OKKOPIRUNS, DER DEN LAUF DER GESTIRNE UND DEN WECHSEL DER JAHRESZEITEN ORDNETE, ABER NIRGENDS EIGENTLICH VEREHRT WARD. CURCHO, DEN NOCH BESONDERS DER ERNTE VORGESETZT WAR. JÄHRLICH OPFERTEN SIE IHM DIE ERSTLINGE ALLER FRÜCHTE, ZERBRACHEN DANN SEINE BILDSÄULE, UND STELLTEN

IHM EINE NEUE AUF DIE SPITZE EINES HÜGELS EIN. SEINE VORNEHMSTE BILDSÄULE STAND ZU HEILIGENBEIL IN DER EICHE. ZU IHM FLEHTEN SIE IN DER AUFSCHRIFT IHREN FAHNE, DIE ICH OBEN ERWÄHNTE, UM HÜLFE GEGEN DIE TEUTSCHEN RÄUBER, DIE IHRE SAATEN VERBRANNTEN. AUCH IN POMMERN WARD ER VEREHRT, SO WIE SWAIXTIX ODER SWANTEWIT, DER MORGENSTERN, ZU RETHRA IN MEKLENBURG, UNTER DER GESTALT EINES MANNES MIT EINEM LÖWENKOPFE. PERDOITIS WAR DER GOTT DES WINDES. ER SCHRITT AUF DEM MEERE UND DEM LANDE EINHER, INDESS SEINE HAARLOCKEN, DIE VOLKEN, SEINE SCHEITEL UMFLOGEN. WOHIN ER SICH WANDTE, STRÖMTE SEIN ATHEM, DER STURM. IHM UND GARDIETIS, DEM GOTTE DES FISCHFANGS, TRUGEN SIE AUF FLACHEN STEINEN AM STRANDE EIN MAHL VON DER AUSBEUTE IHRER FISCHEREI AUF. PERRGRUHBS, KNOSPENBRÜTER, WAR DER GOTT DES FRÜHLINGS. ER LOCKTE BLÜTHEN UND BLÄTTER UND DIE SAAT AUS DEN KEIMEN HERVOR, UND VERDIENTE DADURCH IN JEDEM FRÜHJAHR EIN EIGENES ALLGEMEINES FEST. PUSCHKAITIS, DER GOTT DER ERDE, HAUS' TE AM LIEBSTEN UNTER DEM GEWIRRE DER HOLLUNDERSTRÄUCHE. DORTHIN TRUG MAN IHM BIER UND SPEISEN, UND BAT IHN, SEINE BARSTUKKEN, MARKOPETEN UND PILWAITEN, DREI GATTUNGEN VON KOBOLDEN, MIT REICHEN GABEN IN HAUS UND SCHEUERN ZU SENDEN. LIHGO WAR DER GOTT DER LIEBE UND DER FREUNDSCHAFT, UND IHM ZU EHREN BEGING DAS VOLK IN DER MITTE JEDES SOMMERS EINE FESTLICHE NACHT. AUSKUTTS ODER AWSKUTTIS, SCHAFSCHEERER, WAR DER FEINDSELIGE DÄMON, VON DEM SEUCHEN UND PLAGEN

UNTER MENSCHEN UND VIEH AUSGINGEN. SEIN WAR DIE SCHULD, WENN DIE SCHÄFE EINEN ABGEWOLLTEN RÜCKEN HATTEN; EIN VORZEICHEN NAHENDER PEST. LAIMA - MAHMING HIESS DIE HELFERIN DER GEBÄRENDEN. UHSINSCH, DER BIENER-GOTT, HAT MAN OBEN KENNENGELERNT. - DIE GÖTTER DIESER KLASSE SIND ZU ZAHLREICH, UM SIE ALLE HIER ANFÜHREN ZU KÖNNEN. ICH GEHE DAHER ZU DRITTEN RANGORDNUNG ÜBER, AN DEREN SPITZE WIDEWUT SELBST UNTER DEM NAMEN ISCHWAMBROTAS ODER ZEEMNEEKS, HAUSWIRTH, STAND: ER WAR DER EINZIGE VON IHNEN, DEM NOCH FEIERLICH GEOPFERT WURDE. IHM, DEM URHEBER DES LETTISCHES ACKERBAUES ÜBERHAUPT, VERTRAUTE MAN NOCH FÜNFHUNDERT JAHRE NACHHER DIE HUT DESSELBEN UND DER GANZEN WIRTSCHAFT AN. ER HATTE BEI EINIGEN SEIN EIGENES HEILIGHTUM IN DEN HÄUSERN, WO MAN IHM HÖNIG UND MILCH HINSETZTE. BEI ALLEN ABER WARD ER WENIGSTENS AN FESTLICHEN MAHL[164]ZEITEN BEDACHT. MAN MACHTE IHM EIGENE LIBATIONEN BEI DENSELBEN, GOSS VON JEDEM GEFÄSE MIT METH, DAS MAN LEEREN WOLLTE, ETWAS IHM ZU EHREN AUS, UND WARF VON JEDER AUFGETRAGENEN SCHÜSSEL EINIGE BISSEN IN DIE WINKEL. DEN VORZÜGLICHSTEN DIENST ABER LEISTETE MAN IHM AM FRÜHLINGS- UND AM BLOCKFESTE, DIE ICH UNTEN BESCHREIBEN WERDE. ZU EBEN DER KLASSE GEHÖRTEN AUCH DIE BARSTUKKE, MARKOP ETEN UND PILLWAITEN: GEISTER, DIE, VORZÜGLICH ZU KRANKEN UND SCHLAFLOSEN, MIT DEN MONDSTRAHLEN INS ZIMMER GLITTEN, UND IN DER GESTALT EINGEWINDELTEN KINDER, VOR IHR BETT TRATEN. IHRE BESUCHE WAREN NICHT UNWILLKOMMEN:

DENN SIE BRACHTEN FÜLLE IN SCHEUER UND KELLER, UND MEHRTEN ALLES IN EINE WUNDERBARE WEISE. AUCH SETZTE MAN IHEN IN BODEN UND VORRATHSKAMMERN IN GEWISSEN NACHTEN KLEINE SCHÜSSELN MIT SPEISEN HIN, UND FREUTE SICH SEHR, WENN MAN ETWAS DAVON VERZEHRET FAND; DENN DAS WAR VERHEISSUNG DES SEGENS. EINE ANDERE ART VON HAUSGÖTTERN WAREN DIE SCHLANGEN: DIESE THIERGATTUNG, DIE UNTER ALLEN AMPHIBIEN DEN MENSCHEN AM WIDERLICHSTEN IST, UND DENNOCH FAST IN JEDER MYTHOLOGIE EINE WICHTIGE ROLLE GESPIELT HAT. DIE LETTEN NÄHRTEN EINE ZAHME ART DERSELBEN IN IHREN HÄUSERN, FÜTTERTEN SIE MIT RELIGIÖSER SORGFALT, UND GINGEN SO VERTRAUT MIT DENSELBEN UM, DASS DIE KINDER OFT MIT IHNEN AUS EINEM GESCHIRRE SPEISETEN. SIE SAHEN ES FÜR EIN VERBRECHEN AN, DAS DEN UNTERGANG DES HAUSWESENS NACH SICH ZIEHEN KÖNNE, WENN MAN EINE DERSELBEN TÖDTETE. AUCH DIE WILDEN SCHLANGEN WURDEN VEREHRT, VORZÜGLICH VON DEN WEIBERN, DIE IHNEN GEFÄSSE MIT MILK IN HOHLE BÄUME SETZTEN, UND IHREN MÄNNERN DABEI KRAFT ZU EHELICHEN FREUDEN ERFLEHTEN. AUSSER IHNEN LEGTE MAN NOCH DEN GANZ SCHWARZEN UND WEISSEN PFERDEN, DIE ELENNTHIEREN, KRÖTEN UND ANDERN THIEREN EINE ART VON HEILIGKEIT BEI; AUCH GAB ES HEILIGE WÄLDER, SEEN, BÄCHE UND BERGE, DIE NICHT AUSGEHAUEN, DURCHJAGT, BEFISCHT UND BEACKERT WERDEN DURFTEN, DENEN MAN JÄHRLICH OPFER BRACHTE, UND DIE NOCH JETZT HEIMLICH BESUCHT UND VEREHRT WERDEN. VORZÜGLICH ABER WAREN DIE GRÄBER DER VORELTERN HEILIG, UND IHREN

SEELEN BEGING MAN EIN EIGENES FEST. AM EINEM BESTIMMTEN TAGE IM WINTER HEITZTE NEHMLICH DER HAUSVATER SELBST DAS BESTE GEMACH SEINER WOHNUNG, DAS GEWÖHNLICH DIE BADSTUBE WAR, SÄUBERTE SIE EIGENHÄNDIG, DECKTE EINEN TISCH, UND BESETZTE IHN MIT DEN AUERLESENSTEN SPEISEN. DANN ENTFERNT ER SEINE GANZE FAMILIE, TRAT MIT KIECHENSCHLEISSEN, DIE SIE ANSTATT DER LICHTER GEBRAUCHEN, IN DIE THÜR, UND LUD FEIERLICH ALLE SEELEN SEINER VERSTORBENEN VERWANDTEN, DIE ER BEI NAMEN NANNT, ZU TISCHE, BEI DEM ER DANN EINIGE STUNDEN MIT DEN SCHLEISSEN IN DER HAND BETEND DIENTE. GLAUBTE ER, DASS SICH SEINE UNSICHTBAREN GÄSTE NUN WOHL KÖNNTEN GESÄTTIGET HABEN, SO ZERHIEB ER SEINE SCHLEISSE AUF DER SCHWELLE, UND ERMAHNT DIE SEELEN, JETZT FRIEDLICH NACH HAUSE ZU KEHREN, ABER AUF DER LANDSTRASSE, DAMIT SIE NICHT DAS GETREIDE ZERTRÄTEN. UNTER DEN EIGENTLICHEN FESTEN, ZEICHNETE SICH DAS ERSTE, VORZÜGLICH DEM MILDEN PERRGRUHBS ODER KNOSPENBRÜTER GEWIDMETE, AUS. DASS ES IHM FRÜHLINGE GEFEIERT WARD, ERRÄTH MAN LEICHT. SOBALD GÜNSTIGE WITTERUNG EINTRAT, UND DIE BLÜTHE DES NUSSTRAUCHES AUSSCHLUG, BERIEF DER WIRSCHKAITIS, OBERBETER, DAS VÖLKSCHEN DER GEGEN ZUSAMMEN. EIN FEIERLICHEN LOBGESANG WARD ANGESTIMMT, DANN EIN LÄMMERPAAR, DAS JUNGE, ZIERLICH GEPUTZTE MÄDSCHEN HERBEILEITETEN, GESCHLACHTET, UND MIT REISERN NOCH NICHT TRAGENDER OBSTBÄUME VERBRANNT: LAUTER SYMBOLE DER HOFFNUNG. DER WIRSCHKAITIS LEERTE EINE SCHALE VOLL METH, WARF

SIE HINTER SICH, UND SPRACH: "MÄCHTIGER PERRGRUHBS, VATER DEN LEBENDEN! DU VERSCHEUCHEST DEN WINTER, SENDEST DEINEN SEGEN AUS ÜBER DIE ERDE, UND ES SPRIESSET GRAS, ES SPRIESSEN BLUMEN HERVOR. SEGNE UNSERE AECKER, UND DÄMPFTE DAS UNKRÄUT! SEGNE WALD UND GARTEN! JEDES AESTCHEN WERDE EIN AST, DASS MENSCHEN UND HERDEN SCHATTEN FINDEN; JEDE KNOSPE WERDE BLÜTHE, JEDE BLÜTHE EINE FRUCHT, DASS MENSCHEN, BIENEN UND VÖGEL NAHRUNG HABEN, UND DICH PREISEN DURCH GENUSS." DIE MENGE ZOG TIEFER IN DEN HAIN. EIN JUNGER STIER WARD EINEM HÖHERN ALTAR ZUGEFÜHRT, UND MIT EMPOR GESTRECKTEN HÄNDEN BETETE DER PRIESTER: PEHRKUN, VATER! DEINE KINDER LEITEN ZUM ALTARE DIESES OPFER SONDER FEHL! SEGNE, VATER, PFLUG UND SAAT! WIE BINSEN PRUNKE KUPFERRROTHES STROH, MIT GROSSEN AEHREN HOCHGEKRÖNT - MIT ECHTEN KÖRNERN FÜLLE SIE!"

